

P.K.

B4.49p

M75

101262

Молвер.
Скупой.

проверка 1928 г.

23738

~~3188~~

НН

33

62

16

166
ПРОПЕДИТ

3. I. 15

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

ЕВРОПЕЙСКІЕ КЛАССИКИ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

(Съ примѣчаніями и біографіями).

84.49p

ВЫПУСКЪ III.

МОЛЬЕРЪ.

Г. Б. Ч. Т.

Инв. № 3188 23738

M
75

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія А. Е. Ландау, Средн. Мѣщ., 12.
1875.

Ландау

39

1955 г.

ПРОВЕРЕНО 2014

1972 г.

1956 г.

ЕВРОПЕЙСКІЕ КЛАССИКИ
ПРОВЕРЕНО 2009

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ПЕТРА ВЕЙНВЕРГА.

III выпускъ
МОЛДЯВЪ
ВЫПУСКЪ III

833
2215
202

M
2

101262

Библиотека-
читальня
им. И.С. Тургенева

МОЛЬЕРЪ.

С К У П О Й.

КОМЕДИЯ.

ПЕРЕВОДЪ

Е. Н. УСТРЯЛОВА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Ноября, 1874 г.

скупой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГАРПАГОНЪ.

КЛЕАНТЪ }
ЭЛИЗА } его дѣти.

АНСЕЛЬМЪ.

ВАЛЕРЪ }
МАРІАННА } его дѣти.

ФРОЗИНА, сваха.

СИМОНЪ, маклеръ.

ЖАКЪ, поваръ и кучеръ Гарпагона.

ЛАФЛЕШЪ, лакей Клеанта.

БЛАВДІЯ, служанка Гарпагона.

БРЕНДАВУАНЪ }
ЛАМЕРЛЮШЪ } слуги Гарпагона.

КОММИСАРЪ.

Дѣйствіе въ Парижѣ, въ домѣ Гарпагона.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Валеръ, Элиза.

Валеръ. Что съ вами, прелестная Элиза?... Послѣ этой награды... послѣ того, какъ вы признались мнѣ въ любви, вы вдругъ стали задумчивы? Вы вздыхаете въ то время, когда я въ такомъ восторгѣ! Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, сожалѣете о томъ, что сдѣлали меня счастливымъ? Неужели вы раскаиваетесь, что моя любовь вызвала у васъ клятвы и обѣщанія?..

Элиза. Нѣтъ, Валеръ, я не раскаиваюсь... я чувствую, что меня влечетъ какая то неотразимо-сладкая сила; я даже не могу и желать чего нибудь другаго, но, говоря искренно, я сомнѣваюсь въ успѣхѣ, я боюсь, что люблю васъ немножко больше, чѣмъ должно любить!

Валеръ. Вы боитесь, что были такъ добры со мною? И вы этого можете бояться?

Элиза. Да, я боюсь... тысячи вещей: гнѣва отца, упрековъ семейства, осужденія свѣта,—и, болѣе всего, переменны въ вашемъ сердцѣ, Валеръ. Я страшусь той преступной холодности, которою такъ ча-

сто платятъ намъ мужчины за слишкомъ явныя доказательства доврчивой любви.

Валеръ. Зачѣмъ же оскорблять меня, сравнивая съ другими? Въ чемъ хотите подозрѣвать меня, Элиза, но только не думайте, чтобъ я когданибудь забылъ все то, что вы для меня сдѣлали. Я слишкомъ сильно люблю васъ... эта любовь окончится съ моею жизнью.

Элиза. Всѣ такъ говорятъ!.. На словахъ всѣ мужчины похожи другъ на друга, а на дѣлѣ увидишь совсѣмъ иное.

Валеръ. Испытайте меня, и тогда ужъ судите о моихъ чувствахъ. Вы поддаетесь какой-то странной боязни и напрасно такъ остерегаетесь... зачѣмъ хотите вы думать обо мнѣ хуже, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ? Вы просто убиваете меня!.. Умоляю васъ, оставьте эти оскорбительныя подозрѣнія, дайте мнѣ время убѣдить васъ въ чистотѣ моей любви.

Элиза. Какъ убѣдительно слова тѣхъ, кого любишь! Да, Валеръ, я думаю, что ваша любовь не притворна. Я думаю, что вы любите искренно и будете вѣрны... не хочу сомнѣваться ни въ чемъ... не хочу навлекать вашихъ упрековъ, не стану больше тосковать... еслибъ даже меня упрекали другіе!

Валеръ. Отъ чего же происходитъ эта тоска?

Элиза. Еслибъ всѣ смотрѣли на меня такъ, какъ вы, я бы и не грустила!.. Вы оправдываете мои поступки, вы сами—защита моего сердца. И притомъ, могу ли я быть неблагодарной?... Всякую минуту

вспоминаю я, какой опасности подвергались мы оба, съ какимъ непостижимымъ великодушіемъ рисковали вы своею жизнью, чтобы спасти мою жизнь отъ ярости бѣшеныхъ волнъ!... У меня все осталось въ памяти: трогательныя заботы, расточавшіяся вами, когда вы спасли меня отъ гибели, постоянное участіе, горячая любовь, — наперекоръ всѣмъ препятствіямъ... Самое время не могло заглушить ихъ. Вызабыли все, — и семью, и родину, и пріѣхали сюда.. Любовь ко мнѣ заставила васъ даже скрывать ваше настоящее положеніе и поступить намѣсто управляющаго къ моему отцу, — для того, чтобы имѣть возможность видаться со мною... Это все меня тронуло... этого мнѣ казалось довольно для оправданія самой себя. Но оправдаю ли я себя въ глазахъ другихъ и будутъ ли другіе раздѣлять мои чувства?...

Валеръ. Моя любовь все оправдаетъ! Не бойтесь ничего... Вашъ отецъ, помимо своей воли, самъ будетъ охранять васъ отъ нареканій свѣта! Чрезмѣрная скупость и строгость въ обращеніи съ дѣтьми оправдаютъ самыя невѣроятныя вещи. Милая Элиза, не сердитесь за эти слова! Вы сами хорошо знаете, что нельзя же говорить иначе... Если бы только удалось мнѣ найти моихъ родителей, — ручаюсь тогда за успѣхъ нашего дѣла, безъ всякихъ тревогъ и волненій. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій, — и если они замедлятъ, примусь за дѣло сейчасъ же самъ!

Элиза. Не оставляйте насъ, Валеръ! Старайтесь объ одномъ—понравиться моему отцу.

Валеръ. Вы сами видите, какъ я хлопочу, какъ стараюсь поддѣлаться къ нему, какую маску привязанности и услужливости надѣваю на себя, чтобъ понравиться ему, какую роль играю каждый день, желая приобрѣсти его расположеніе! И, въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ удивительный! Видно, говорятъ совершенно справедливо, что когда желаешь привлечь другихъ, — нѣтъ ничего лучше, какъ украсить ихъ собственною добродѣтью, потворствовать ихъ убѣжденіямъ, воскурять фиміамъ ихъ порокамъ и восхвалять ихъ дѣйствія. Напрасно боишься, что впадешь въ крайность: противъ лести не устоитъ самый умный человѣкъ! Можно такъ одурачить и отуманить, что всякій проглотитъ нелѣпость и пошлость не поморщившись, если приправить ихъ похвалою. Положимъ, добросовѣстность страдаетъ здѣсь довольно сильно, но когда нуждаешься въ людяхъ, то должно принаравливаться къ нимъ; а если можно выиграть только этимъ, то вина не тѣхъ, кто льститъ, а тѣхъ, кто хочетъ, чтобъ имъ льстили.

Элиза. Отчего же вы не хотите поговорить съ моимъ братомъ на случай, еслибъ моя горничная выдала ему нашу тайну?

Валеръ. Трудно дѣйствовать разомъ и на того, и на другаго! Убѣжденія отца и сына такъ противорѣчатъ другъ другу, что нельзя найти одновременной поддержки въ томъ, и въ другомъ. Постарай

тесъ сами дѣйствовать на брата, воспользуйтесь его дружбою для нашей же выгоды... Но вотъ и онъ! Я уйду. Не теряйте даромъ времени, поговорите съ нимъ... Но вы скажите ему все только тогда, когда будете вполне увѣрены въ его содѣйствіи.

Элиза. Не знаю, станетъ ли у меня силъ во всемъ признаться.

ЯВЛЕНІЕ II.

Клеантъ, Элиза.

Клеантъ. Очень радъ, что могу поговорить съ тобою наединѣ, сестра! Я хотѣлъ открыть тебѣ важную тайну.

Элиза. Готова слушать. Чтѣ ты хочешь сказать?

Клеантъ. Очень много,—и въ одномъ словѣ. Я влюбленъ.

Элиза. Влюбленъ?

Клеантъ. Да. Но дѣло, прежде всего, въ томъ, что я завишу отъ отца, и самое названіе сына подчиняетъ меня его власти: не слѣдуетъ клясться въ любви, безъ согласія тѣхъ, кому мы обязаны нашимъ существованіемъ. Небо сдѣлало ихъ распорядителями нашихъ желаній, и мы должны поступать не иначе, какъ по ихъ указаніямъ. Наши родители не предаются безумнымъ фантазіямъ; они менѣ насъ подвержены заблужденіямъ и видятъ гораздо лучше то, чтѣ мы должны дѣлать. Лучше вѣрить ихъ опытности, чѣмъ ослѣпленію нашей страсти; увлеченія молодости весьма часто вле-

кутъ насъ къ гибели!... Все это я говорю для того, чтобы ты не трудилась сама мнѣ высказывать тоже самое, такъ какъ моя любовь никого не станетъ слушать, и я только объ одномъ прошу: не читать мнѣ правоученій.

Элиза. А ты уже сдѣлалъ предложеніе той, которую любишь?

Клеантъ. Нѣтъ; но рѣшился. Умоляю тебя снова, не разубѣждай меня.

Элиза. Неужели я до такой степени странна, что стану тебя отговаривать?

Клеантъ. Нѣтъ, не то. Но вѣдь ты не влюблена! Тебѣ незнакомы сладкія сердечныя муки... Я сомнѣваюсь въ тебѣ именно потому, что ты черезъ чуръ благоразумна.

Элиза. Увы, братецъ! не будемъ говорить о благоразуміи! Нѣтъ на свѣтѣ никого, кто хоть разъ въ жизни не лишился бы его, и если бы я открыла тебѣ мое сердце, то, можетъ быть, на твои глаза я показалась бы еще менѣе благоразумной, чѣмъ ты самъ.

Клеантъ. Дай Богъ, чтобы твое сердце, какъ и мое...

Элиза. Сперва окончимъ твое дѣло. Скажи, въ кого ты влюбленъ?

Клеантъ. Въ молодую дѣвушку, которая недавно поселилась около насъ. Она, кажется, создана внушать любовь всякому, кто ее увидитъ. Природа не произвела ничего прекраснѣе; я плѣнился ею съ той минуты, какъ увидѣлъ ее. Ее зовутъ Маріанной;

она живетъ съ матерью, почти всегда больною, и невообразимо привязана къ ней. Услуживаетъ, со-жалѣетъ, утѣшаетъ ее съ нѣжностью, трогаящею до глубины души. Все, что ни дѣлаетъ она, дѣ-лаетъ такъ мило!.. Въ каждомъ ея дѣйствиіи про-свѣчиваетъ ея прелесть, нѣжность, умилительная доброта, восхитительное благородство, удив... Ахъ, сестра, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ ты ее уви-дѣла!

Э л и з а. Я и безъ того уже ее вижу изъ тво-ихъ словъ; а чтобъ оцѣнить ее, довольно того, что ты ее любишь.

К л е а н т ъ. Я стороной узналъ, что обѣ онѣ нуждаются, что ихъ честный образъ жизни едва достаточенъ для безбѣднаго существованія. Представь себѣ, сестра, радость помочь той, кого любишь!.. помочь какъ нибудь... по деликатнѣе... удовлетворять нуждамъ людей, дѣйствительно добродѣтельныхъ! И пойми, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая досада видѣть скупость отца и сознать невозможность осуще-ствить мое желаніе и доказать этой милой дѣвушкѣ всю мою страсть!

Э л и з а. Да, я хорошо понимаю твое горе.

К л е а н т ъ. Оно сильнѣе, чѣмъ ты думаешь. Мо-жетъ ли быть что нибудь ужаснѣе той страшной скупости, которой мы должны подчиняться, и той непостижимой сухости, отъ которой мы томимся постоянно! Къ чему намъ пригодятся деньги, когда пройдутъ наши молодые годы и намъ нельзя будетъ

ими пользоваться! Я и теперь долженъ входить въ долги, чтобъ имѣть возможность жить; я и теперь чуть не каждый день долженъ прибѣгать къ помощи заимодавцевъ, для того, чтобъ быть порядочно одѣтымъ!.. Я говорю тебѣ все это съ цѣлью попросить тебя, нельзя ли какъ нибудь вывѣдать мысли отца на счетъ меня; если онъ будетъ противъ меня, то я рѣшился ѣхать отсюда вмѣстѣ съ этою прелестною дѣвушкой и наслаждаться счастьемъ, посланнымъ намъ небомъ. Поэтому то я и стараюсь со всѣхъ сторонъ занимать деньги; и если, сестрица, твой дѣла похожи на мои и если нашъ отецъ будетъ противиться нашимъ обоюднымъ желаніямъ, то оставимъ его оба и тогда избавимся отъ деспотизма, въ которомъ такъ долго держитъ насъ его ненавистная скупость.

Элиза. Правда, правда! Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе заставляетъ насъ сожалѣть о смерти нашей матушки; а также...

Клеантъ. Я слышу его голосъ!.. Уйдемъ отсюда и окончимъ разговоръ. Соединимся вмѣстѣ и тогда ужъ постараемся общими силами дѣйствовать на его неумолимую строгость!...

ЯВЛЕНИЕ III.

Гарпагонъ, Лафлешъ.

Гарпагонъ. Вонъ отсюда!... Ни слова! Убирайся съ глазъ моихъ, плутъ, вискльникъ!

Лафлешъ. (*Въ сторону*). Никого въ жизни не видалъ я злѣе этого проклятаго старикашки! Боже оборони! въ немъ живетъ какой-то дьяволъ!

Гарпагонъ. Ты еще бормочешь?..

Лафлешъ. За что вы гоните меня?

Гарпагонъ. Экая наглость у этой шельмы! еще спрашиваетъ за что!.. Мигомъ съ глазъ долой, не то въ прахъ уничтожу!..

Лафлешъ. Чѣмъ я провинился?

Гарпагонъ. А тѣмъ, что я хочу, чтобъ ты убирался вонъ.

Лафлешъ. Вашъ сынъ, сударь, приказалъ мнѣ его подождать.

Гарпагонъ. Жди его на улицѣ, а не у меня въ домѣ! Торчитъ себѣ вѣчно передъ глазами, только и знаетъ, что подсматриваетъ что дѣлается, да думаетъ о своемъ барышѣ!.. Не хочу я вѣчно видѣть шпиона, мошенника, котораго проклятыя глазищи такъ и спуютъ за мной, такъ и пожираютъ все, что у меня есть, такъ вотъ, кажется, и шныряютъ по сторонамъ да ищутъ, нельзя ли чего украсть!..

Лафлешъ. Да какъ вы хотите, чортъ побери, чтобъ у васъ украсть чтонибудь? Развѣ вы таковскій? Вы прячете все подъ замокъ, да сами караулите день и ночь!

Гарпагонъ. Прячу что мнѣ угодно и караулю когда хочу. Развѣ это не шпионъ, скажите на милость? Какое ему дѣло до того, что я дѣлаю? (*Въ сторону*). Я весь дрожу: не догадывается ли

онъ на счетъ моихъ денегъ? (*Громко*). Ты, чего добраго, всѣмъ разблаговѣстилъ, что я прячу деньги?

Лафлешъ. А вы прячете деньги?

Гарпагонъ. Нѣтъ, мошенникъ, я этого не говорилъ... (*Въ сторону*). Я взбѣшенъ... взбѣшенъ! (*Громко*). Я спрашиваю, не говорилъ ли ты кому нибудь, изъ желанія досадить мнѣ, что у меня есть деньги?

Лафлешъ. И! Какое намъ дѣло, есть ли у васъ деньги, или нѣтъ? Вѣдь для насъ все одно.

Гарпагонъ (*занося руку и намѣреваясь дать пощечину Лафлешу*). Ты смѣешь разсуждать! Вотъ я тебѣ выбью эти разсужденья изъ мозга!.. Вонъ! вонъ, еще разъ говорю!

Лафлешъ. Извольте. Ухожу.

Гарпагонъ. Стой! Не унесъ ли ты чего нибудь?

Лафлешъ. А что уносить-то?

Гарпагонъ. Подожди, подожди! Вотъ я посмотрю хорошенько... Показывай руки.

Лафлешъ. Смотрите.

Гарпагонъ. Другія.

Лафлешъ. Другія?

Гарпагонъ. Да.

Лафлешъ. Извольте.

Гарпагонъ (*указывая на панталоны Лафлеша*). Не положилъ ли ты чего нибудь въ карманы?

Лафлешъ. Смотрите сами.

Гарпагонъ (*ощупывая снизу панталоны Ла-*

флеша). Это широкое платье очень удобно, чтобъ скрывать наворованныя вещи!.. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ для примѣра повѣсили кого нибудь изъ такихъ воровъ!

ЛАФЛЕШЪ. Ахъ, какъ такой человѣкъ стоить того, чего боится! Какъ бы я былъ радъ его обокрасть!

ГАРПАГОНЪ. Ага!

ЛАФЛЕШЪ. Что?

ГАРПАГОНЪ. Ты сейчасъ сказалъ: «обокрасть»!

ЛАФЛЕШЪ. Я сказалъ — ищите хорошенько, не укралъ ли я чего.

ГАРПАГОНЪ. Это то я и дѣлаю. (*Шаритъ въ карманахъ Лафлеша*).

ЛАФЛЕШЪ. (*Въ сторону*). Чортъ бы побралъ скупость и скупыхъ!

ГАРПАГОНЪ. Что? Что ты сказалъ?

ЛАФЛЕШЪ. Что я сказалъ?

ГАРПАГОНЪ. Да, что ты сказалъ про скупость и скупыхъ?

ЛАФЛЕШЪ. Говорю: чортъ бы побралъ скупость и скупыхъ!

ГАРПАГОНЪ. Да ты о комъ говоришь?

ЛАФЛЕШЪ. О скупыхъ.

ГАРПАГОНЪ. Кто же эти такіе, — скупые?

ЛАФЛЕШЪ. Негодяи и скряги.

ГАРПАГОНЪ. Ты подъ этимъ что собственно разумѣешь?

ЛАФЛЕШЪ. Да изъ чего вы хлопочете?

Гарпагонъ. Изъ того, о чемъ стоить.

Лафлешъ. Не думаете ли вы, что я говорю на вашъ счетъ?

Гарпагонъ. Думаю то, что думаю... Но я требую, чтобъ ты сказалъ, о комъ собственно ты говоришь, произнося эти слова.

Лафлешъ. Говорю... говорю о моемъ колпакѣ.

Гарпагонъ. Ну, такъ я расправляюсь съ твоими вихрами.

Лафлешъ. Ужъ не хотите ли вы запретить мнѣ ругать скуныхъ?

Гарпагонъ. Нѣтъ, но я не позволю тебѣ болтать чепуху и говорить дерзости. Молчи!

Лафлешъ. Я по имени ни кого не назвалъ.

Гарпагонъ. Скажи слово—приколочу!

Лафлешъ. На воръ шапка горить.

Гарпагонъ. Замолчишь ты?

Лафлешъ. Да, по неволѣ.

Гарпагонъ. Эй, говорю...

Лафлешъ (*показывая Гарпагону карманъ своего камзола*). Вотъ тутъ еще карманъ. Довольно съ васъ?

Гарпагонъ. Такъ и быть, отдай мнѣ прямо: я не стану искать.

Лафлешъ. Что отдать?

Гарпагонъ. То, что ты взялъ.

Лафлешъ. Я ничего не бралъ.

Гарпагонъ. И это вѣрно?

Лафлешъ. Вѣрно.

Гарпагонъ. Ну такъ убирайся ко всѣмъ чер-
тямъ!

Лафлешъ. *(Въ сторону)*. Славные проводы!

Гарпагонъ. Пусть это, по крайней мѣрѣ, ос-
танется на твоей совѣсти!..

ЯВЛЕНИЕ IV.

Гарпагонъ.

Этотъ мошенникъ очень меня тревожитъ; не
нравится мнѣ эта хромоногая собака! Да, не ма-
лаго стоить труда держать при себѣ большія
деньги, и счастливъ тотъ, кто хорошо помѣ-
стилъ все свое добро, а себѣ оставилъ только
на необходимое! Не шутка пріискать во всемъ до-
мѣ такое потаенное мѣстечко, гдѣ бы можно было
спрятать ихъ на вѣрняка! Признаюсь, разные тамъ
секретные ящики мнѣ что-то очень не понутру,
никогда не довѣрюсь я имъ. Я считаю ихъ чистѣй-
шею приманкою для воровъ, которые набрасываютъ
на нихъ прежде всего.

ЯВЛЕНИЕ V.

Гарпагонъ, Элиза и Клеантъ *(говорятъ между
собою въ глубинѣ сцены)*.

Гарпагонъ *(полагая, что онъ одинъ)*. Однако
не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ, что зарылъ въ са-
ду десять тысячъ экю, отданные мнѣ вчера... Имѣтъ
у себя десять тысячъ экю золотомъ... вѣдь это сум-
ма, довольно... *(Въ сторону, увидѣвъ Элизу и*

Клеанта). Господи! Не выдалъ ли я самъ себя?.. Въ жару разсужденій, я, кажется, говорилъ слишкомъ громко, думая, что никого нѣтъ. (*Громко Клеанту и Элизѣ*). Чего вамъ?

КЛЕАНТЪ. Ничего, батюшка.

ГАРПАГОНЪ. Вы давно здѣсь?

ЭЛИЗА. Мы только что вошли.

ГАРПАГОНЪ. Слышали?

КЛЕАНТЪ. Что, батюшка?

ГАРПАГОНЪ. Здѣсь...

ЭЛИЗА. Что такое?

ГАРПАГОНЪ. То, что я говорилъ?

КЛЕАНТЪ. Нѣтъ.

ГАРПАГОНЪ. Слышали, слышали, навѣрно!

ЭЛИЗА. Увѣряю васъ...

ГАРПАГОНЪ. Очень хорошо вижу, что вы подхватили на лету нѣсколько словъ. Я, видите ли, разсуждалъ о томъ, какъ трудно нынче доставать деньги и какъ счастливы тѣ, у которыхъ есть тысячекъ съ десятокъ экю.

КЛЕАНТЪ. Мы не подходили къ вамъ, не желая вамъ мѣшать.

ГАРПАГОНЪ. Очень доволенъ, что объяснилъ вамъ это... Пожалуйста, не думайте чегонибудь иного, не воображайте, что это я про себя сказалъ, что у меня десять тысячъ экю.

КЛЕАНТЪ. Въ ваши дѣла мы не мѣшаемся.

ГАРПАГОНЪ. Дай то Господи, чтобъ у меня были когданибудь эти десять тысячъ экю!

КЛЕАНТЬ. Я не думаю.

ГАРПАГОНЪ. Отличнѣйшая была бы штука!

ЭЛИЗА. Это такія вещи...

ГАРПАГОНЪ. А я въ нихъ очень нуждаюсь.

КЛЕАНТЬ. Полагаю, что...

ГАРПАГОНЪ. И они мнѣ очень помогли бы!..

ЭЛИЗА. Вы...

ГАРПАГОНЪ. Тогда бы я ужъ не жаловался, какъ теперь, что настали тяжкія времена!

КЛЕАНТЬ. Ахъ, Боже мой!.. Вамъ, батюшка, нечего жаловаться: вѣдь всѣ знаютъ, что у васъ всего довольно.

ГАРПАГОНЪ. Какъ всего довольно?.. Врутъ всѣ они!.. Ложь, чистѣйшая ложь! Это воры да мошенники нарочно распускаютъ такіе слухи!..

ЭЛИЗА. Не сердитесь, пожалуйста!

ГАРПАГОНЪ. Удивительная вещь! Мои же родныя дѣти—предать меня хотятъ, врагами моими дѣлаются!..

КЛЕАНТЬ. Значитъ, тотъ вашъ врагъ, кто говоритъ, что у васъ есть деньги?

ГАРПАГОНЪ. Разумѣется. Вотъ такія то разсужденія и издержки ваши надѣлаютъ, что ко мнѣ придутъ да и зарѣжутъ меня! Подумаютъ, что платье подбито деньгами, возьмутъ да и зарѣжутъ!

КЛЕАНТЬ. Хотѣлъ бы я знать, какія у меня издержки?

ГАРПАГОНЪ. Какія? А напимѣръ—разѣзжать

по городу въ великолѣпныхъ экипажахъ... развѣ это не безнравственно? Вчера я сердился на твою сестру, — а съ тобою, видно, придется поговорить по-крупнѣе. Вѣдь это просто вопіющая безсовѣстность! Стоить только посмотрѣть на васъ съ головы до ногъ, — такъ ужаснешься, сколько пошло на эти платья капиталу и процентовъ! Двадцать разъ говорилъ я тебѣ, сынокъ, что твои манеры мнѣ очень не нравятся, ты такъ и наровишь обезьяничать графовъ да маркизовъ, а для того, чтобъ быть такъ одѣтымъ, ты непременно долженъ обкрадывать меня.

Клеантъ. Господи!.. Какъ обкрадывать-то васъ?

Гарпагонъ. Почему я знаю! Откуда ты берешь деньги, чтобы жить такимъ образомъ?

Клеантъ. Откуда беру? Я, батюшка, сдѣлался игрокомъ; а такъ какъ я въ игрѣ очень счастливъ, то и трачу на себя все, что выигрываю.

Гарпагонъ. И очень дурно поступаешь. Если ты счастливъ въ игрѣ — пользуйся этимъ, отдавай выигрышъ на законные проценты, — деньги не пропадутъ. Впрочемъ, не говоря ни о чемъ другомъ, я хотѣлъ бы только знать, на кой чортъ всѣ эти ленты да банты, которыми ты напшиговалъ себя съ ногъ до головы? Развѣ полдюжины бантовъ не довольно, чтобъ прикрѣпить штаны? Удивительно нужно тратить деньги на парики ⁽¹⁾, когда есть собственные волосы, которые ровно ничего не стоятъ! Держу пари, что на ленты да на парики ты истратилъ

по крайней мѣрѣ двадцать пистолей. А двадцать пистолей даютъ въ годъ восемнадцать ливровъ шесть су восемь сантимовъ, если отдавать ихъ даже по двѣнадцати процентовъ.

КЛЕАНТЪ. Ваша правда.

ГАРПАГОНЪ. Но оставимъ это и поговоримъ о дѣлѣ... (*Замѣтивъ, что Клеантъ и Элиза подаютъ другъ другу знаки*) Эге, ге! (*Въ сторону*). Они сговариваются подтибрить мой кошелекъ! (*Громко*). Что значать эти жесты?

ЭЛИЗА. Мы споримъ, кому первому говорить, а поговорить намъ надо съ вами обоимъ.

ГАРПАГОНЪ. У меня также есть кое что вамъ сказать.

КЛЕАНТЪ. Мы хотимъ, батюшка, поговорить съ вами о свадьбѣ.

ГАРПАГОНЪ. Да и я о свадьбѣ хочу съ вами потолковать.

ЭЛИЗА. Что вы, батюшка!

ГАРПАГОНЪ. Это что за восклицаніе? Тебя пугаетъ слово или вещь?

КЛЕАНТЪ. Свадьба можетъ пугать насъ обоихъ въ томъ смыслѣ, какъ вы ее понимаете, и мы боимся, что наши чувства не вполне согласны съ вашимъ выборомъ.

ГАРПАГОНЪ. Постойте, постойте! не горячитесь слишкомъ!.. Я знаю, что вамъ надо обоимъ ни одинъ изъ васъ не будетъ имѣть повода быть мною недовольнымъ. Начнемъ съ начала. (*Клеан-*

ту). Видѣлъ-ли ты молодую дѣвушку, по имени Маріанну, которая живетъ недалеко отъ насъ?

Клеантъ. Видѣлъ, батюшка.

Гарпагонъ. А ты?

Элиза. Я слышала о ней.

Гарпагонъ. Скажи, мой сынъ, какъ она тебѣ кажется?

Клеантъ. Прелестной.

Гарпагонъ. Ея фizioномія?

Клеантъ. Самая скромная и умная.

Гарпагонъ. Ея видъ и манеры?

Клеантъ. Восхитительные, — нѣтъ спора.

Гарпагонъ. Ты думаешь, что такая дѣвушка стоить, чтобъ ею заинтересоваться?

Клеантъ. Вполнѣ стоить, батюшка.

Гарпагонъ. Что она можетъ составить прекрасную партію для мужа?

Клеантъ. Превосходную партію.

Гарпагонъ. Что она можетъ быть отличною хозяйкой?

Клеантъ. Безъ сомнѣнія.

Гарпагонъ. И что ея мужъ будетъ съ нею вполнѣ счастливъ?

Клеантъ. Разумѣется.

Гарпагонъ. Представляется только одно маленькое затрудненіе: я боюсь, что нельзя будетъ рассчитывать на приданое.

Клеантъ. Стоить ли говорить о приданомъ,

батюшка, когда дѣло идетъ о женитьбѣ на честной дѣвушкѣ!

Гарпагонъ. Ну, все-таки, все-таки! А впрочемъ—не выиграешь въ одномъ, постарайся на-верстать на другомъ.

Клеантъ. Конечно.

Гарпагонъ. Словомъ, я очень радъ, что ты согласенъ со мной. Ея чинныя манеры и скромность пришили мнѣ по душѣ, и я рѣшился на ней жениться, еслибъ нашлось хоть малѣйшее приданое.

Клеантъ. Что я слышу!...

Гарпагонъ. Что такое?

Клеантъ. Вы говорите, что рѣшились...

Гарпагонъ. Жениться на Маріаннѣ.

Клеантъ. Какъ? вы? вы?...

Гарпагонъ. Да, я, я, я!... Это еще что?...

Клеантъ. У меня вдругъ закружилась голова. Я уйду.

Гарпагонъ. Ничего, ничего! Поди въ кухню, выпей стаканъ чистой воды.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Гарпагонъ, Элиза.

Гарпагонъ. Вотъ нѣженка! Точно мокрая курица. Эти франтики всѣ таковы!... И такъ, дочка, вотъ именно на что я рѣшился по поводу себя. Что же до твоего брата, то я выбралъ ему одну

вдовушку, о которой мнѣ говорили еще сегодня утромъ, а ты выйдешь замужъ за господина Ансельма.

Элиза. За господина Ансельма?...

Гарпагонъ. Да. Онъ человѣкъ зрѣлый, солидный, разсудительный; не старше пятидесяти... и, говорятъ, страшный богачъ.

Элиза (*присѣдая*). Я, батюшка, не желаю выходить замужъ, осмѣлюсь доложить.

Гарпагонъ (*передразнивая Элизу*). А я, милая дочка, голубушка моя, я хочу, чтобъ вы вышли замужъ... осмѣлюсь доложить.

Элиза (*присѣдая снова*). Извините-съ!

Гарпагонъ (*передразнивая ее*). Извините-съ!

Элиза. Я покорнѣйшая слуга господина Ансельма; но (*снова дѣлаетъ книксенъ*), съ вашего позволенія, я никогда не пойду за него замужъ.

Гарпагонъ. Я вашъ покорный слуга, но (*передразнивая ее*), съ вашего позволенія, вы пойдете за него замужъ и не далѣе, какъ сегодня же вечеромъ.

Элиза. Сегодня вечеромъ?

Гарпагонъ. Сегодня вечеромъ.

Элиза (*присѣдая снова*). Этому не бывать, милый папаша.

Гарпагонъ (*передразнивая ее*). Это будетъ, милая дочка.

Элиза. Нѣтъ.

Гарпагонъ. Да.

Элиза. Не будетъ, говорю я вамъ.

Гарпагонъ. Будетъ, говорю тебѣ.

Элиза. Ужъ къ этому меня вы не принудите.

Гарпагонъ. Именно къ этому я тебя и принужу.

Элиза. Скорѣе убьюсь, чѣмъ пойду за такого мужа!

Гарпагонъ. Не убьешься и выйдешь за него. Однако какова наглость! Видано ли, чтобы дочь смѣла такъ говорить съ отцемъ!

Элиза. Видано ли, чтобъ отецъ выдавалъ такъ дочь замужъ!

Гарпагонъ. Противъ такого замужства сказать дурнаго рѣшительно нечего; держу пари, что всякій одобрить мой выборъ.

Элиза. Держу пари, что всякій разумный человекъ его осудить.

Гарпагонъ (*увидя издали Валера*). Вотъ идетъ сюда Валеръ. Хочешь,—онъ будетъ нашимъ судьей?

Элиза. Хочу.

Гарпагонъ. Ты согласишься съ его рѣшеніемъ?

Элиза. Соглашусь со всѣмъ, что онъ скажетъ.

Гарпагонъ. Дѣло въ шляпѣ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Валеръ, Гарпагонъ, Элиза.

Гарпагонъ. Эй, Валеръ! иди сюда. Мы вы-

брали тебя судьёю въ спорѣ; рѣши, кто правъ изъ насъ: дочь моя или я.

Валеръ. Вы, сударь, вы правы, безъ дальнихъ словъ.

Гарпагонъ. Да ты знаешь-ли, о чемъ мы споримъ?

Валеръ. Не знаю, но вы не можете быть виноваты, вы всегда правы.

Гарпагонъ. Я хочу сегодня вечеромъ выдать ее замужъ за одного очень умнаго и богатаго человѣка. А эта плутовка говоритъ мнѣ прямо въ глаза, что и слышать о немъ не хочетъ. Что ты скажешь на это?

Валеръ. Что я скажу?

Гарпагонъ. Да.

Валеръ. Гмъ, гмъ!

Гарпагонъ. Что?

Валеръ. Собственно говоря, я раздѣляю ваше мнѣніе; не можетъ статься, чтобъ вы были не правы; но, можетъ быть, и ваша дочь не вполнѣ виновата и...

Гарпагонъ. Помилуй! Господинъ Ансельмъ — великолѣпный мужъ; онъ человѣкъ сановный, вліятельный, скромный, солидный, разсудительный, уживчивый... и, къ довершенію всего, у него не осталось дѣтей отъ первой жены. Чего же ей лучше?

Валеръ. Все это правда. Но она могла бы сказать, что не слѣдуетъ такъ торопиться, что надо

дать ей хоть немножко времени осмотрѣться, узнать, могутъ ли ея чувства согласоваться съ...

Гарпагонъ. Тутъ, братъ, надо ковать желѣзо, пока горячо. На его сторонѣ такія преимущества, какихъ я нигдѣ не найду; и, потомъ, онъ беретъ ее безъ приданаго.

Валеръ. Безъ приданаго?

Гарпагонъ. Да.

Валеръ. Послѣ этого, и говорить нечего! Вотъ дѣйствительно самый лучший резонъ; остается молчать и покоряться.

Гарпагонъ. Это избавить меня отъ значительныхъ расходовъ.

Валеръ. Еще бы! Кто станетъ говорить противное! Положимъ, ваша дочь можетъ вамъ сказать, что бракъ—дѣло болѣе серьезное, чѣмъ иные полагаютъ; что дѣло идетъ о томъ—быть счастливымъ или несчастнымъ на всю жизнь, и что взаимное обязательство, которое оканчивается только со смертію, должно быть заключено съ большими предосторожностями.

Гарпагонъ. Безъ приданаго!

Валеръ. Совершенно справедливо! Этими словами само собою все рѣшено. Пожалуй, найдутся люди, которые станутъ утверждать, что привязанность дѣвушки, въ подобномъ случаѣ, тоже заслуживаетъ хоть какаго-нибудь вниманія; что неравенство лѣтъ, характеровъ, чувствъ можетъ пове-

сти этотъ бракъ къ очень непріятнымъ послѣдствіямъ...

Гарпагонъ. Безъ приданаго!

Валеръ. Конечно, конечно! На это отвѣчать нечего! Мы ужъ такъ и порѣшили. Кто станетъ противорѣчить, чортъ возми! Положимъ, можетъ быть, и встрѣчаются такіе отцы, которые думали бы о счастіи своихъ дочерей болѣе, чѣмъ о деньгахъ; которые не захотѣли бы пожертвовать ими ради своихъ выгодъ, и прежде всего старались бы, чтобъ въ бракъ существовало то искреннее сочувствіе, которое служить постояннымъ залогомъ супружеской чести, спокойствія, радости; которое...

Гарпагонъ. Безъ приданаго!

Валеръ. Правда, правда! Тутъ поневолѣ замолчишь... Безъ приданаго! Да развѣ можно сказать что-нибудь противъ этого!

Гарпагонъ (*посматривая въ ту сторону, идѣ садъ, тихо*). Какъ будто собака залаяла. Не пробирается ли кто-нибудь къ моимъ денежкамъ? (*Валеру*). Остаься здѣсь; я сейчасъ приду.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Элиза, Валеръ.

Элиза. Это насмѣшка, Валеръ?

Валеръ. Нисколько! Я не хочу сердить его и тѣмъ скорѣе достигну своей цѣли. Идти противъ

него прямо — значить испортить все разомъ. Бываютъ люди, съ которыми иначе нельзя дѣйствовать, какъ только, повидимому, потакая имъ; бываютъ характеры, нетерпящіе противорѣчія, натуры упрямья, которыя, при первомъ правдивомъ словѣ, встаютъ на дыбы и всегда идутъ наперекоръ здравому смыслу. Ихъ можно вести куда хочешь, но только окольнымъ путемъ. Притворитесь, что соглашаетесь исполнить его желаніе, вы тѣмъ скорѣе достигнете своей цѣли, и...

Элиза. А эта свадьба, Валеръ?

Валеръ. Постараемся найти помѣху.

Элиза. Но что же найти, если свадьба должна быть сегодня вечеромъ?

Валеръ. Выгадать отсрочку, притворившись больной!

Элиза. Но обманъ можетъ открыться, когда призовутъ докторовъ?

Валеръ. Перестаньте шутить! Развѣ они что-нибудь смыслятъ? Не тревожьтесь! Съ ними можно быть больной какъ угодно, они всегда найдутъ причину болѣзни.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гарпагонъ, Элиза, Валеръ.

Гарпагонъ (*въ сторону, въ глубинѣ сцены*). Славу Богу, ничего!

Валеръ (*не видя Гарпагона*). Наконецъ, послѣднее средство — бѣжать. Тогда бояться нечего,

и если ваша любовь, милая Элиза, способна на такую твердость... (*увидѣвъ Гарпагона*). Да, да! Дочь должна повиноваться отцу. Она не должна сама выбирать мужа, а если притомъ встрѣтится еще одно важное обстоятельство: безъ приданого, — то она должна быть готова согласиться на все, что ей предлагаютъ.

Гарпагонъ. Отлично! Отлично сказано!

Валеръ. Извините, сударь, я немножко погорячился... Осмѣлился такъ выразиться...

Гарпагонъ. Напротивъ, я очень радъ и хочу, чтобы она во всемъ тебя слушалась. (*Элизѣ*). Да, ты напрасно бѣжишь отсюда: я передаю ему власть надъ тобою, врученную мнѣ небомъ, и приказываю, чтобы ты поступала во всемъ такъ, какъ онъ тебѣ велитъ.

Валеръ (*Элизѣ*). Послѣ этого, попробуйте-ка меня не слушаться!

ЯВЛЕНИЕ X.

Гарпагонъ, Валеръ.

Валеръ. Я пойду за нею, сударь... Хочу окончить данный ей урокъ.

Гарпагонъ. Ты меня чувствительно обяжешь. Разумѣется...

Валеръ. Ее надо держать въ рукахъ.

Гарпагонъ. Правда, правда. Надобно...

Валеръ. Сдѣлайте одолженіе, не беспокойтесь! Я самъ все устрою отлично.

ГАРПАГОНЪ. Такъ, такъ!... Пойду, прогуляюсь немножко по городу и сейчасъ приду назадъ.

ВАЛЕРЬ (*идя въ сторону, куда ушла Элиза и обращая къ ней свою рѣчь*). Да, сударыня, деньги драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ; вы должны благодарить Бога, что имѣете такого честнаго отца. Онъ знаетъ жизнь. Когда дѣлаютъ предложеніе дѣвушкамъ безъ приданаго,—ни на что другое смотрѣть не слѣдуетъ. Въ этомъ заключается все; безъ приданаго — заступаетъ мѣсто красоты, молодости, знатности, чести, разсудка, благородства...

ГАРПАГОНЪ. Отличный малый! Какъ оракуль говорить!.. Счастливъ тотъ, кто можетъ имѣть такого слугу!..

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеантъ, Лафлешъ.

Клеантъ. А, мошенникъ! Говори, куда ты спрятался? Развѣ я тебѣ не приказывалъ...

Лафлешъ. Да, сударь, и я нарочно пришелъ сюда, чтобъ васъ подождать; но вашъ батюшка, человѣкъ въ высшей степени необходимый, выгналъ меня отсюда, не смотря на всѣ мои старанія остаться, — и я даже рисковалъ быть побитымъ.

Клеантъ. Ну, что наши дѣла? Время не терпитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не видалъ, я открылъ, что у меня есть соперникъ, и этотъ соперникъ — мой отецъ.

Лафлешъ. Какъ? Вашъ отецъ влюбленъ?

Клеантъ. Да. Богъ знаетъ, какаго труда мнѣ стоило скрыть мое смущеніе, когда я узналъ эту новость!

Лафлешъ. Каково! Онъ—и влюбляется! Да какъ это пришло ему въ голову? Смѣется онъ,

что ли? Развѣ любовь пристала къ такому безобразнику!

КЛЕАНТЪ. Видно, за мои грѣхи, онъ выдумалъ влюбиться!

ЛАФЛЕШЪ. Но съ какой стати вы скрываете отъ него вашу любовь?

КЛЕАНТЪ. Чтобъ не вселить подозрѣній, и, на всякій случай, оставить за собой лазейку съ цѣлью помѣшать этому браку. Ну, скажи, какой дали тебѣ отвѣтъ?

ЛАФЛЕШЪ. Что дѣлать, сударь! Видно должники—самые несчастные люди. Надо переносить много нелѣпостей, когда приходится, какъ напри- мѣръ вамъ, побывать въ рукахъ ростовщиковъ и сутягъ!

КЛЕАНТЪ. Значить, дѣла уладить нельзя?

ЛАФЛЕШЪ. Это еще вопросъ. Факторъ Симонъ, рекомендованный намъ,—человѣкъ дѣльный и усердный; онъ говоритъ, что ради васъ готовъ въ огонь и воду; по его словамъ, одна ваша наружность расположила его въ вашу пользу.

КЛЕАНТЪ. И онъ мнѣ доставить пятнадцать тысячъ франковъ?

ЛАФЛЕШЪ. Доставить, но съ маленькими условіями; вамъ надо будетъ согласиться на нихъ, если вы хотите, чтобъ дѣло уладилось.

КЛЕАНТЪ. И тебѣ удалось, при помощи его, поговорить съ тѣмъ, кто долженъ дать взаймы деньги?

Л а ф л е ш ь. Ну, это не такъ то скоро дѣлается! Онъ секретничаетъ даже лучше васъ; тутъ вообще такая таинственная штука, какую и придумать трудно. Заимодавецъ не хочетъ, чтобъ знали его даже по имени; а сегодня васъ сведутъ съ нимъ нарочно въ чужомъ домѣ, гдѣ отъ васъ самихъ онъ узнаетъ и о вашемъ состояніи, и вашихъ родныхъ; я не сомнѣваюсь, что одно имя вашего отца устранить всѣ препятствія.

К л е а н т ь. Особенно потому, что послѣ смерти моей матери, я, какъ наслѣдникъ ея, имѣю полное право распоряжаться завѣщаннымъ мнѣ имуществомъ.

Л а ф л е ш ь. Прежде, чѣмъ начнете дѣло, выслушайте нѣсколько пунктовъ условія, продиктованныхъ самимъ заимодавцемъ нашему повѣренному: «Если заимодавецъ найдетъ достаточно вѣрнымъ представленный ему залогъ, а залогодатель совершеннолѣтенъ и принадлежитъ къ семейству, обладающему обширнымъ, нераздѣльнымъ, застрахованнымъ, свободнымъ отъ всякихъ притязаній имуществомъ,—то слѣдуетъ составить ясное и точное заемное письмо въ присутствіи нотаріуса, самаго честнаго и вѣрнѣйшаго, какаго только можно найти, и сей послѣдній, въ сказанномъ случаѣ, имѣетъ быть выбранъ заимодавцемъ, который неослабно наблюдетъ за законностью совершенія акта».

К л е а н т ь. Противъ этого сказать нечего.

Л а ф л е ш ь. «Заимодавецъ, не желая брать грѣха на совѣсть, согласенъ дать займы свои деньги

не иначе, какъ по пяти съ половиною процентовъ».

К л е а н т ъ. По пяти съ половиною процентовъ? Чтожъ, это еще не особенно тяжело! Жаловаться не на что!

Л а ф л е ш ъ. Истинная правда! «Но такъ какъ означенный заимодавецъ не имѣетъ при себѣ вышесказанной суммы и, для выгоды заемщика, принужденъ самъ занять ее у другаго лица съ уплатою двадцати процентовъ, то вышеозначенный первый заемщикъ обязанъ, кромѣ сего, принять на себя уплату и сихъ, вышеозначенныхъ, процентовъ, впрочемъ безъ всякаго для себя ущерба, такъ какъ вышесказанный заимодавецъ прибѣгаетъ къ сему займу единственно съ цѣлью сдѣлать удовольствіе своему заемщику».

К л е а н т ъ. Что за чертовщина! Вотъ проклятый жидъ! Вѣдь это составитъ двадцать пять на сто!

Л а ф л е ш ъ. Я тоже самое и говорилъ. Подумайте хорошенько!...

К л е а н т ъ. Что думать! Мнѣ нужны деньги; я долженъ согласиться на все.

Л а ф л е ш ъ. Я такъ и отвѣчалъ.

К л е а н т ъ. Нѣтъ ли еще чего нибудь?

Л а ф л е ш ъ. Еще одно маленькое условіе. «Въ счетъ требуемыхъ пятнадцати тысячъ ливровъ, заимодавецъ можетъ ссудить деньгами только двѣнадцать тысячъ; что же касается остальныхъ трехъ тысячъ, то заемщикъ принужденъ на соотвѣтственную сум-

му принять вещами, рухлядью, драгоценными камнями, — исчисленіе коихъ ниже прописано; вышеизложеннымъ вещамъ означенный заимодавецъ полагаетъ, по возможности, самую добросовѣстную и дешевую цѣну».

Клеантъ. Это еще что значитъ?

Лафлешъ. Выслушайте перечень вещей. «Во первыхъ кровать, четырехъ футовъ длины, отдѣланная венгерскими кружевами, нашитыми на сукно оливковаго цвѣта; полдюжины стульевъ и стеганое одѣяло; все прекрасносдѣланное, съ подкладкою изъ тонкой тафты, двучичеваго, т. е. розовато-голубаго цвѣта. Къ сему балдахинъ изъ омальской саржи, отличной добротности, розоваго цвѣта, съ шелковыми кистями и шнуромъ». (8)

Клеантъ. Да на кой чортъ мнѣ это?

Лафлешъ. Позвольте. «Затѣмъ стѣнные обои съ изображеніемъ любовныхъ походовъ Гомбальда и Маса. Кромѣ того, большой столъ, орховаго дерева, съ двѣнадцатью выточеными ножками или столбиками, — раздвигающійся съ обоихъ концовъ, — и къ нему шесть небольшихъ табуретовъ».

Клеантъ. О! чортъ побери...

Лафлешъ. Подождите. «Кромѣ того, три большихъ мушкетона, украшенные перламутромъ, съ принадлежащими къ нимъ тремя стойками. Кромѣ того, печная кирпичная труба, для отвода дыма изъ очага, съ двумя колбами и тремя ретортами;

весьма полезная для изслѣдователя явленій дистиляціи».

К л е а н т ъ. Я взбѣшенъ, какъ...

Л а ф л е ш ъ. Сейчасъ, сударь, сейчасъ!... «Сверхъ того, болонская лютня, со струнами,—послѣднихъ недостаетъ весьма немного. Къ сему, шашки, шахматы и древняя греческая игра, имянуемая «гусекъ», нынѣ возобновленная—все сіе весьма способствуетъ къ пріятному препровожденію времени, въ особенности для того, кому нечего дѣлать. Затѣмъ шкура ящерицы, длиною въ три съ половиною фута, набитая сѣномъ: замѣчательная рѣдкость; ее можно прикрѣпить къ полу. Все вышеозначенное на самомъ дѣлѣ обладаетъ цѣнностью болѣе четырехъ съ половиною тысячъ ливровъ, но понижено, единственно по великодушію заимодавца, на сумму, недостающую въ деньгахъ по расчету пятнадцать тысячъ ливровъ» (2).

К л е а н т ъ. Провалиться ко всѣмъ чертямъ этому бездѣльнику съ его великодушіемъ! Это палачъ какой-то! Разбойникъ!... Развѣ онъ не доволенъ тѣмъ, что деретъ безбожные проценты?.... Нѣтъ-таки! хочетъ навязать за три тысячи ливровъ старую дрянъ и ветошь! Да за это я не далъ бы и двухсотъ ливровъ!... А впрочемъ, нечего дѣлать, надо согласиться! Этотъ мошенникъ приступаетъ ко мнѣ съ ножомъ къ горлу, остается только молчать.

Л а ф л е ш ъ. Простите меня... осмѣлюсь ска-

зять, что вы попали на ту дорогу, по которой шелъ Панюржъ къ разоренію. Подобно ему, вы забираете деньги впередъ, покупаете въ три дорога, продаете за бездѣлицу и сѣдате свой хлѣбъ на корню ⁽³⁾.

Клеантъ. Чгѣжъ мнѣ дѣлать? Вотъ до чего доводитъ проклятая скупость отцовъ! А послѣ этого, еще удивляются, что сыновья хотятъ ихъ смерти!

Лафлешъ. Правду сказать, вашъ батюшка можетъ возстановить противъ себя, своимъ скряжничествомъ, самаго честнаго человѣка. Слава Богу, я не имѣю воровскихъ наклонностей, промежъ своихъ товарищей, промысляющихъ кое-какимъ дѣльцемъ, веду себя осторожно и не попадаю въ штуки, которыя пахнутъ висѣлицей; но за такое обращеніе я просто готовъ его обокрасть, и мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ я сотворилъ бы очень хорошее дѣло.

Клеантъ. Покажи-ка мнѣ этотъ реестръ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Гарпагонъ, Симонъ, Клеантъ и Лафлешъ

(два послѣдніе въ глубинѣ сцены).

Симонъ. Да-съ, точно такъ. Этому молодому барину очень нужны деньги; дѣла его плохи; онъ готовъ на все, что угодно.

Гарпагонъ. И вы увѣрены, что тутъ нечего

опасаться? Вы знаете его имя, состояніе и родителей?

Симонъ. Нѣтъ-съ, я собственно въ этомъ отношеніи достовѣрно ничего сказать не могу, мнѣ рекомендовали его только по случаю. Но вы сами можете все разслѣдовать, и его повѣренный увѣрилъ меня, что останетесь имъ вполне довольны. Я только одно могу сказать, что его родственники очень богаты, матушки у него нѣтъ, и онъ даже готовъ дать обязательство, что мѣсяцевъ черезъ восемь умретъ и его отецъ.

Гарпагонъ. Положимъ, это что нибудь да значить! Милосердіе обязуетъ насъ, Симонъ, оказывать добро ближнимъ, насколько это возможно.

Симонъ. Изволили сказать вполне истинно-съ.

Лафлешъ (*узнавъ Симона, тихо Клеанту*). Что это значить? Симонъ говоритъ съ вашимъ отцомъ!

Клеантъ (*тихо Лафлешу*). Не сказалъ-ли ты Симону, кто я такой? Неужели ты выдалъ меня?..

Симонъ (*Лафлешу*). Ого-го! какъ вы поторопились! Да кто же вамъ сказалъ, что именно здѣсь... (*Гарпагону*). Вѣрьте, сударь, ужъ никакъ не я сказалъ имъ ваше имя и гдѣ вы живете. А впрочемъ, по моему, тутъ нѣтъ особеннаго грѣха: они люди солидные, никому не скажутъ. Вы можете сейчасъ же и объясниться.

Гарпагонъ. Какъ такъ?

Симонъ (*показывая на Клеанта*). Давотъ они-съ

именно и желаютъ взять у васъ въ долгъ тѣ самыя пятнадцать тысячъ ливровъ...

Гарпагонъ. Какъ, негодяй! Такъ это ты рѣшился на такое позорное дѣло!

Клеантъ. Какъ, батюшка! Такъ это вы предаетесь такому постыдному ремеслу! ⁽⁴⁾ (*Симонъ убѣгаетъ, Лафлешъ прячется*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Гарпагонъ, Клеантъ.

Гарпагонъ. Такъ это ты хочешь разорить меня своими проклятыми долгами!

Клеантъ. Такъ это вы хотите разбогатѣть отъ такихъ незаконныхъ процентовъ!

Гарпагонъ. И послѣ этого, ты еще смѣешь показываться мнѣ на глаза?

Клеантъ. И послѣ этого, вы еще смѣете показываться на глаза другимъ?

Гарпагонъ. Скажи только одно: тебѣ не стыдно дойти до такого разврата, вдаться въ такіе неплатные долги и постыдно расточать имущество, добытое твоими родителями потомъ и кровью?

Клеантъ. А вы не стыдитесь безчестить ваше имя ремесломъ ростовщика, жертвовать честью и репутаціей ненасытной страсти копить деньги и, для своей выгоды, превосходить плутнями самыхъ извѣстныхъ обираль?

Гарпагонъ. Прочь съ глазъ моихъ, мерзавецъ! Вонъ отсюда!

КЛЕАНТЪ. Скажите, кто преступиѣ, — тотъ ли, кто занимаетъ деньги, въ которыхъ онъ нуждается, или тотъ, кто крадетъ деньги, съ которыми ему рѣшительно нечего дѣлать?

ГАРПАГОНЪ. Вонъ отсюда, говорю тебѣ! (*Клеантъ уходитъ*). Я не сержусь на то, что случилось: впередъ наука — смотрѣть въ оба и полагаться только на самого себя.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фрозина, ⁽⁵⁾ Гарпагонъ.

Фрозина. Позвольте мнѣ...

ГАРПАГОНЪ. Сейчасъ, сейчасъ! Потерпите минутку!... Я сейчасъ приду. (*Въ сторону*). Не мѣшаетъ посмотрѣть на мои денежки!

ЯВЛЕНІЕ V.

Фрозина, Лафлешъ.

ЛАФЛЕШЪ (*не видя Фрозины*). Преуморительная штука! Видно, у него гдѣ нибудь много припрятано разной дряни; въ реестрѣ означены совсѣмъ незнакомыя намъ вещи...

Фрозина. А, это ты, бѣдняга Лафлешъ! Какими судьбами?..

ЛАФЛЕШЪ. А, это ты, Фрозина! Ты зачѣмъ здѣсь?.. что тутъ дѣлаешь?

Фрозина. То дѣлаю, что и вездѣ: хожу по дѣ-

ламъ, прислуживаю людямъ и стараюсь, елико возможно, пользоваться данными мнѣ талантами. Знаешь самъ, въ здѣшнемъ мірѣ должно жить изворотливостью да хитростью, тѣмъ болѣе, что та-кимъ, какъ я, судьба не дала ничего, кромѣ ловкости и умѣнья заводить интрижки.

Лафлешъ. Такъ и съ нашимъ хозяиномъ у тебя дѣльце завязалось?

Фрозина. Еще бы! Есть кое-что. Надѣюсь и вознагражденіе получить.

Лафлешъ. Отъ него? Ну, молодецъ будешь, коли что нибудь вытянешь; у насъ, прими это къ свѣдѣнію, деньги очень дороги.

Фрозина. Однако за иную службу можно получить славныя деньги!

Лафлешъ. Поздравляю! Ты, видно, не знаешь Гарпагона. Господинъ Гарпагонъ, изъ всѣхъ людей — человѣкъ наименѣе человѣчный, изъ всѣхъ смертныхъ — смертный наиболѣе непреклонный и прижимистый. Нѣтъ такой услуги на свѣтѣ, ради которой онъ, изъ благодарности, развязалъ бы свой кошелекъ. На словахъ онъ засыплетъ похвалой, благодарностью, уваженіемъ, увѣреніями въ дружбѣ, всѣмъ, чѣмъ угодно, а ужъ на счетъ денегъ — мое почтеніе. Нѣтъ ничего суше и бесплоднѣе его ласкъ и любезностей; и онъ до такой степени ненавидитъ глаголь «давать», что никогда не говоритъ: «я вамъ даю совѣтъ», а «я васъ ссужаю совѣтомъ»⁽⁶⁾.

Фрозина. Меня на этотъ счетъ провести труд-

но. Я на столько хитра, что сумѣю нужное вытерепить. Я знаю секретъ, какъ дѣлать людей добрыми, щекотать ихъ самолюбіе и затрогивать самую чувствительную струну.

Ла Флешъ. Ни къ чему это не поведетъ здѣсь. Держу пари, что ты никогда не заставишь его растрогаться и дать денегъ. Онъ хуже всякаго жида, и жидоморство его просто въ отчаяніе можетъ привести! Хоть издохни на мѣстѣ — онъ и глазомъ не моргнетъ! Словомъ, деньги дороже для него добраго имени, дороже чести и всякихъ добродѣтелей. Съ нимъ дѣлается припадокъ при одномъ видѣ просителя. Это все равно, что нанести ему смертельный ударъ, пронзить ему сердце, вырвать внутренности,—и если... Но вотъ и онъ; я уйду.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Гарпагонъ, Фрозина.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Все въ порядкѣ (*громко*). Ну, что скажешь, Фрозина?

Фрозина. Ахъ, Боже мой! какой у васъ славный видъ! Какой здоровый цвѣтъ лица!

Гарпагонъ. У кого, у меня?

Фрозина. Никогда не видѣла я у васъ такой здоровой и бодрой фізіономіи!

Гарпагонъ. И ты не врешь?

Фрозина. Помилуйте! Да вы никогда не казались такъ молоды! Я постоянно вижу двадцатипятилѣтнихъ молодыхъ людей, которые на видъ гораздо старше васъ.

Гарпагонъ. Однако, Фрозина, мнѣ ужъ стукнуло шестьдесятъ.

Фрозина. Да что за бѣда! Стоитъ говорить объ этомъ!.. Да это настоящій возрастъ и есть, вы только теперь, можно сказать, сдѣлались вполне зрѣлымъ человѣкомъ.

Гарпагонъ. Правда, правда! Однако не дурно бы эдакъ годиковъ двадцать съ плечъ долой.

Фрозина. Вы шутите, что ли? Совсѣмъ не нужно; вы ужъ такъ созданы, что проживете до ста лѣтъ.

Гарпагонъ. Ты думаешь?

Фрозина. Навѣрно. По всему рѣшительно видно. Подождите-ка, дайте посмотрю... Ну, да! Такъ и есть!... Между глазъ... Значекъ долгой жизни.

Гарпагонъ. Ты развѣ знаешь примѣты?

Фрозина. Еще бы!.. Протяните-ка руку. Ахъ ты, Господи! Какая длинная линія жизни!

Гарпагонъ. Такъ что-же?

Фрозина. Да видите, куда она идетъ? (7)

Гарпагонъ. Вижу; но что жъ изъ того?

Фрозина. Я только что сказала: сто лѣтъ, — нѣтъ, вы проживете и сто двадцать.

Гарпагонъ. Что ты?

Фрозина. Да и тогда только въ томъ случаѣ свалитесь, коли пришибутъ. И своихъ дѣтей схороните, и дѣтей вашихъ дѣтей.

Гарпагонъ. Дай то Богъ, дай то Богъ!.. Ну, а какъ наши дѣлишки?

Фрозина. Что за вопросъ! Ужъ если я за что возьмусь, такъ все обдѣлаю какъ должно. Особенно на счетъ брачныхъ дѣлъ—талантъ у меня удивительный! Нѣтъ на свѣтѣ такихъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ я не повѣнчала бы между собой въ самомъ скорѣйшемъ времени; я, если бы задала себѣ задачу, кажется, женила бы самаго турецкаго султана на венеціанской республикѣ. Ей Богу! Разумѣется, въ вашемъ дѣлѣ такихъ трудностей не представилось. Я у тѣхъ то какъ своя принята, ну, и поговорила, какъ слѣдуетъ, съ обѣими на счетъ васъ. Матушкѣ объявила о вашемъ намѣреніи касательно Маріанны, рассказала ей, какъ вы видѣли Маріанну и на улицѣ и у окошка...

Гарпагонъ. Что же мать сказала?

Фрозина. Очень польщена была... А когда я открылась ей, что вамъ очень угодно было бы видѣть ея дочку сегодня вечеромъ, при подписаніи свадебнаго контракта вашей дочери, у васъ въ домѣ, то матушка согласилась безъ всякихъ разсужденій и препоручила свою дочь мнѣ.

Гарпагонъ. Дѣло то въ томъ, Фрозина, что вѣдь придется сегодня пригласить на ужинъ госпо-

дина Анзельма; было бы недурно, если бы и Марианна не отказалась присутствовать на ужинѣ.

Фрозина. Это такъ. Послѣ обѣда она явится съ визитомъ къ вашей дочери, потомъ думаетъ отправиться за покупками, а затѣмъ поспѣетъ и къ вашему ужину.

Гарпагонъ. И прекрасно. А я ссужу имъ свою карету: пусть поѣдутъ вмѣстѣ.

Фрозина. Она будетъ очень рада.

Гарпагонъ. А ты говорила, Фрозина, матери о приданомъ? Говорила, что она должна же немножко постараться, внести свою часть, такъ сказать, пустить себѣ кровь для такого случая? Вѣдь никто не женится на дѣвушкѣ безъ того, чтобъ не получить хоть малую толику!..

Фрозина. Помилуйте! За ней двѣнадцать тысячъ франковъ чистаго дохода въ годъ.

Гарпагонъ. Двѣнадцать тысячъ франковъ!

Фрозина. Да какъ же! Во-первыхъ, она воспитана такъ, что не любитъ лакомиться или ѣсть черезъ чуръ; привыкла кушать салатъ, молоко, сыръ и яблоки. Поэтому ей не надо ни роскошнаго стола, ни суповъ тамъ какихъ нибудь, ни соусовъ особыхъ... словомъ, никакихъ поблажекъ, безъ которыхъ не могутъ обойтись нынѣшнія молодая дѣвушка. Все это составить въ годъ экономіи, по крайнѣй мѣрѣ, три тысячи франковъ. Кромѣ того, она привыкла только къ чистоплотности и простотѣ, не любитъ великолѣпныхъ нарядовъ, драгоценныхъ

камней, роскошнаго убранства комнатъ—всего того, на что съ такимъ жаромъ бросаются ей равныя; эта статья принесетъ вамъ тоже болѣе четырехъ тысячъ въ годъ. Потомъ, она ненавидитъ до отвращенія игру, а это нынче трудно встрѣтить между молодыми женщинами. Я знаю одну госпожу, — по сосѣдству живетъ, — такъ та въ нынѣшнемъ году проиграла въ карты двадцать тысячъ франковъ. Ну, будемъ считать хоть четвертую часть, — и того довольно. И такъ: пять тысячъ въ годъ на игру, четыре тысячи на наряды, да на брильянты, — вотъ вамъ девять; да на пищу положите три тысячи, — оно и выйдетъ въ годъ, по малой мѣрѣ, двѣнадцать тысячъ франковъ.

Гарпагонъ. Да, это не дурно. Только тутъ существеннаго ничего нѣтъ.

Фрозина. Какъ нѣтъ? А скромность, простота въ одеждѣ, ненависть къ картежной игрѣ, — развѣ все это не существенное?..

Гарпагонъ. Да ты смѣшешься надо мной, что ли? Считать приданымъ то, чего она не истратила бы у меня въ домѣ! Вѣдь я не стану же расписываться въ полученіи того, что мнѣ не попало въ руки; а надобно же мнѣ получить хоть что нибудь!

Фрозина. Ахъ, Боже мой, у васъ и безъ того довольно будетъ. Онѣ говорили мнѣ, что у нихъ есть гдѣ-то имѣніе... разумѣется, оно будетъ вамъ же принадлежать.

Гарпагонъ. Ну, это еще посмотримъ! При томъ, Фрозина, есть еще одна вещь, которая тоже беспокоитъ меня. Ты знаешь сама, — дѣвушка она молоденькая, а молодежь обыкновенно льнетъ другъ къ другу, привязывается какъ-то обоюдно... Боюсь, что муженекъ моихъ лѣтъ не совсѣмъ ей будетъ по нутру... а отъ этого, чего добраго, начнутся у меня маленькіе безпорядки, которые не совсѣмъ то будутъ для меня пріятны.

Фрозина. Какъ же вы ее мало знаете! Вотъ именно это я и хотѣла сказать. Она имѣетъ ужаснѣйшее отвращеніе къ молодымъ людямъ; ей нравятся одни старики.

Гарпагонъ. Какъ, ей нравятся...

Фрозина. Да, ей нравятся... Очень бы мнѣ хотѣлось, чтобъ вы послушали, какъ она говоритъ. Она просто видѣть не можетъ молодаго человѣка; но, по ея словамъ, нѣтъ ничего прелестнѣе человѣка престарѣлаго, украшеннаго величественною бородою. Старики для нея милѣе всѣхъ, и вы, пожалуйста, не вздумайте передъ ней молодиться! Она хочетъ, чтобъ ея мужъ былъ, по крайней мѣрѣ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти. Мѣсяца четыре тому назадъ, она ужъ почти совсѣмъ готова была выдти замужъ, какъ вдругъ на чисто отказала... а отчего?.. оттого, что жениху ея было всего пятьдесятъ шесть лѣтъ, и онъ не надѣлъ очковъ въ ту минуту, когда пришлось подписываться на свадебномъ контрактѣ.

Гарпагонъ. И только отъ того?

Фрозина. Да. Она говоритъ, что ей мало пятидесяти шести лѣтъ и особенно любить людей, которые носятъ очки.

Гарпагонъ. Признаюсь, неслыханная вещь!

Фрозина. Послушайте дальше. У нея въ комнатѣ виситъ нѣсколько картинъ и гравюръ. Какъ вы думаете, кого онѣ изображаютъ? Адовиса, Париса, Аполлона? Какъ бы не такъ: отличнѣйшіе портреты Сатурна, царя Пріама, престарѣлаго Нестора и добродѣтельнаго отца Аяхиза, сидящаго на плечахъ своего сына. ⁽⁸⁾

Гарпагонъ. Удивительно! Я бы никогда и не ожидалъ... Очень, очень радъ, что у ней такой характеръ. А въ самомъ дѣлѣ, будь я женщина, я ни за что бы не влюблялся въ молодыхъ людей.

Фрозина. Полагаю! Что въ нихъ, въ этой-то дряни!.. Шелопай, прощальги, больше ничего!.. Хотѣла бы я знать, чѣмъ собственно могутъ они нравиться?..

Гарпагонъ. Рѣшительно не могу постичь, какъ еще находятся женщины, которыя влюбляются въ нихъ!

Фрозина. Влюбляются сумасшедшія. Находить молодежь привлекательною—развѣ тутъ есть здравый смыслъ? Развѣ эти безбородые мальчишки—люди? Развѣ можно чувствовать привязанность къ такимъ животнымъ?

Гарпагонъ. Я именно это самое и твержу

каждый день. Нечего сказать, молодцы, съ ихъ куринымъ голосомъ, съ тремя волосками вмѣсто бороды, въ родѣ кошачьихъ усовъ, съ париками изъ мочалки и испорченнымъ желудкомъ!..

Фрозина. Да, да, красавцы, нечего сказать, особенно въ сравненіи съ вами... Вотъ вы такъ мужчина, настоящій мужчина; на васъ можно посмотреть! Вотъ какъ именно должно быть и сложеннымъ и одѣтымъ, чтобъ внушать истинную любовь!...

Гарпагонъ. Ты полагаешь, что я не дурень собой?

Фрозина. Прелесть, просто прелесть!... Картина, да и только! Повернитесь-ка немножко.. Ну, да, чудо! А пройдите-ка теперь!... Вотъ, что называется, настоящимъ манеромъ сложенъ: свободенъ, развязенъ, красивъ, не подверженъ никакой хворости...

Гарпагонъ. Слава Богу, на послѣднее не могу особенно жаловаться. Вотъ только кашель иногда беспокоить...

Фрозина. Пустяки, пустяки! Это даже къ вамъ идетъ: вы очень мило кашляете.

Гарпагонъ. Скажи, пожалуйста: не видала ли меня Маріанна гдѣ нибудь? Не встрѣтила ли на улицѣ?

Фрозина. Нѣтъ: но мы очень много говорили о васъ... Я ей описала вашу наружность, расхвалила всѣ ваши достоинства и представила ей всѣ

преимущества, какими она будетъ пользоваться; выйдя за васъ замужъ.

Г А Р П А Г О Н Ъ. Прекрасно сдѣлала! Очень благодаренъ тебѣ.

Ф р о з и н а. А у меня есть, сударь, къ вамъ одна маленькая просьбица. Видите-ли: у меня процессъ, и, пожалуй, придется проиграть его, если не добуду откуда-нибудь немножко деньженокъ. (*Гарпагонъ дѣлаетъ серьезную мину*). Вы очень легко могли бы помочь мнѣ выиграть процессъ, если бы были такъ добры, что... Вы не можете себѣ представить, какъ она будетъ рада видѣть васъ! (*Гарпагонъ снова принимаетъ веселый видъ*). Боже мой! Какъ вы ей поправитесь! Какъ ей покажется милъ вашъ воротничекъ съ рюшкой! Особенно обворожить ее вашъ камзолъ, разукрашенный бантиками изъ лентъ съ кисточками! Просто съ ума сойдетъ! Женить съ кисточками будетъ для нея лучше всякаго десерта!

Г А Р П А Г О Н Ъ. Вѣрь, я въ восторгѣ отъ твоихъ словъ!

Ф р о з и н а. Но этотъ процессъ, сударь, для меня ужасно много значить... (*Гарпагонъ снова дѣлаетъ серьезную мину*). Я въ конецъ разорюсь, если придется проиграть его... А между тѣмъ какая-нибудь маленькая помощь съ вашей стороны придала бы совсѣмъ иной оборотъ дѣлу... Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы видѣли, въ какой она приходитъ восторгъ, когда я говорю ей о васъ!

(Гарпагонъ снова принимаетъ веселый видъ). Блаженство сіяло въ ея глазахъ въ ту минуту, когда я расхваливала всѣ ваши достоинства. Словомъ, я возбудила въ ней самое живѣйшее желаніе какъ можно скорѣе выдти за васъ замужъ.

ГАРПАГОНЪ. Ты доставила мнѣ величайшее удовольствіе, Фрозина, и, признаюсь, я тебѣ въ высшей степени обязанъ.

ФРОЗИНА. Такъ ужъ сдѣлайте милость, сударь, помогите мнѣ хоть какой-нибудь бездѣлицей... (Гарпагонъ снова принимаетъ серьезный видъ). Это меня просто на ноги поставитъ и я по гробъ буду вамъ обязана...

ГАРПАГОНЪ. Прощай, прощай, Фрозина! Мнѣ еще надо окончить письмо...

ФРОЗИНА. Честью увѣряю васъ, что еще никогда я не была въ такой нуждѣ...

ГАРПАГОНЪ. Я велю заложить карету, чтобъ отвезти васъ за покупками.

ФРОЗИНА. Если бъ не нужда, я никогда и не осмѣлилась бы надобдаться вамъ...

ГАРПАГОНЪ. Надо поужинать пораньше, не то, гости заболѣютъ.

ФРОЗИНА. Окажите благодѣяніе, не откажите въ моей просьбѣ! Вы не можете себѣ представить, какое наслажденіе...

ГАРПАГОНЪ. Иду, иду! Меня зовутъ, кажется. До свиданія, до свиданія!...

Фрозина (одна), Чтобъ трясла тебя лихорадка, проклятый старикашва!... Убирайся ко всѣмъ чертямъ! Эдакій скрага! Эдакій кремень! Но я это такъ не оставлю!., Если не здѣсь, то, во всякомъ случаѣ, у той стороны заработаю себѣ малую толику!..

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гарпагонъ, Клеантъ, Элиза, Валеръ, Клавдія (*съ пологою щеткою въ рукѣ*), Жакъ, Брендавуанъ, Ламарлюшъ.

Гарпагонъ. Эй, идите сюда всѣ! Я дамъ приказанія на вечеръ и скажу каждому, что́ дѣлать. Клавдія, подойди поближе!... А! и щетка въ рукахъ!... Дѣльно! Чтобъ у тебя были чистота и порядокъ въ домѣ, но смотри!... не слишкомъ сильно вытирай мебель,—матерію испортишь. Кромѣ того, во время ужина, присматривай за виномъ; если какая-нибудь бутылка затеряется или что-нибудь разобьется,—ты у меня отвѣчаешь: изъ жалованья вычту...!

Жакъ (*въ сторону*). Политичная расправа!

Гарпагонъ (*Клавдіи*). Ступай.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ Клавдіи.

Гарпагонъ. Вамъ обоимъ, Брендавуанъ и Ламарлюшъ, поручается мытье посуды, рюмокъ и

стакановъ; вы должны также разносить питье, но только тогда, когда гости попросятъ сами. Не слѣдуйте привычкамъ иныхъ глупыхъ слугъ, которые сами предлагаютъ гостямъ вино и поневолѣ заставляютъ ихъ пить, когда тѣ совсѣмъ и не хотятъ. Ждите, пока васъ попросятъ нѣсколько разъ, и не забывайте, какъ можно больше разносить воды.

Жакъ (*въ сторону*). Н-да. Отъ чистаго вина—голова кружится.

Ламерлюшъ. Прикажете снять передники, сударь?

Гарпагонъ. Да, когда пріѣдутъ гости. Смотрите, не запачкайте платья.

Брендавуанъ. Я ужъ докладывалъ вамъ, сударь, что у меня спереди на камзолѣ большое масляное пятно отъ лампы...

Ламерлюшъ. А у меня, сударь, штаны сзади совсѣмъ прорвались, такъ что, съ позволенія сказать...

Гарпагонъ (*Ламерлюшу*). Цыцъ, молчи! Стань спиной къ стѣнѣ и не поворачивайся, а передъ гостями становись лицомъ... (*Брендавуану, показывая, какъ онъ долженъ держать шляпу передъ камзоломъ. чтобъ скрыть пятно*). А ты держи шляпу вотъ такъ, когда будешь служить...

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, кромѣ Ламерлюша и Брендавуана.

Гарпагонъ. Ты, дочка, присматривай за всѣмъ,

когда будутъ убирать со стола. Въ особенности наблюдай, чтобъ чего не разбили или не испортили: въ этомъ состоитъ обязанность молодой дѣвицы. Между тѣмъ, приготовься полюбезнѣе принять одну, очень интересную, для меня, особу, которая придетъ къ намъ съ визитомъ и поѣдетъ вмѣстѣ съ тобою за разными покупками... слышишь?

Элиза. Да, папенька.

Гарпагонъ. Да, дура.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, *кромя* Элизы.

Гарпагонъ. А ты, франтикъ-сынокъ, — я тебѣ простилъ давишнюю продѣлку, — такъ ужъ теперь не смѣй встрѣтить ее съ нелюбезнымъ видомъ.

Клеантъ. Я, батюшка? Встрѣтить съ нелюбезнымъ видомъ?... Помилуйте, съ какой же стати!

Гарпагонъ. Ну, вѣдь я знаю очень хорошо, что дѣтямъ вообще не нравится, когда отецъ ихъ женится въ другой разъ; я знаю, какими глазами смотрятъ они на свою мачиху!... Но если ты хочешь, чтобъ я позабылъ твою послѣднюю дерзость, то совѣтую въ особенности быть полюбезнѣе съ этой особой и принять ее какъ можно лучше.

Клеантъ. Говоря искренно, батюшка, я не могу особенно радоваться, что у меня будетъ мачиха. Я солгалъ бы, утверждая противное. Но ру-

чаюсь, что буквально исполню ваше приказаніе, приму ее отлично и буду до нельзя любезенъ.

Гарпагонъ. Ты, однако, берегись у меня!...

Клеантъ. Увидите, что я не дамъ вамъ повода быть мною недовольнымъ.

Гарпагонъ. И отлично сдѣлалась.

ЯВЛЕНІЕ V.

Гарпагонъ, Валеръ, Жакъ.

Гарпагонъ. Ты, Валеръ, помоги теперь мнѣ... Эй, Жакъ! иди сюда; я припасъ тебя напоследокъ.

Жакъ. Позвольте узнать, сударь: съ кѣмъ изволите говорить, съ вучеромъ, или съ поваромъ? Я и то, и другое.

Гарпагонъ. Съ обоими.

Жакъ. А изъ этихъ обоихъ, съ кѣмъ собственно прежде?

Гарпагонъ. Съ поваромъ.

Жакъ. Сію минуту-съ. (*Снимаетъ кучерской кафтанъ и является одѣтый поваромъ*).

Гарпагонъ. Это что за церемоніи?

Жакъ. Извольте говорить.

Гарпагонъ. Сегодня у меня будетъ ужинъ...

Жакъ (*въ сторону*). Вотъ-то чудеса!

Гарпагонъ. Ты приготовь что-нибудь эдакое... хорошенькое.

Жакъ. Слушаю-съ. Только пожалуйста побольше денегъ.

Гарпагонъ. Чортъ возьми! Только и слышишь: денегъ да денегъ! Будто и сказать больше нечего!.. денегъ!.. денегъ! денегъ! денегъ! Одно только слово и знаютъ: денегъ! Всѣ твердятъ о деньгахъ! Единственный конекъ ихъ—деньги!

Валеръ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли быть что нибудь нахальнѣе этого отвѣта! Удивительная ловкость сдѣлать хорошій ужинъ, когда дадутъ много денегъ! Да ничего нѣтъ легче!.. Всякій дуракъ сдумаетъ это сдѣлать!.. Нѣтъ, вотъ ты, какъ искусный поваръ, сдѣлай хорошій ужинъ за дешевую цѣну!..

Жакъ. Хорошій ужинъ за дешевую цѣну!

Валеръ. Да, попробуй!

Жакъ (*Валеру*). Знаете, господинъ управляющій: вы доставите мнѣ большое удовольствіе, коли откроете свой фокусъ-покусъ и станете на мое мѣсто; впрочемъ, вы и безъ того мѣшаетесь не въ свое дѣло.

Гарпагонъ. Молчать! Такъ что же приготовить на ужинъ?

Жакъ. Да вотъ, господинъ управляющій приготовить вамъ и дешево, и хорошо.

Гарпагонъ. Эй, молчи! Я хочу, чтобъ ты мнѣ отвѣчалъ.

Жакъ. Сколько персонъ будетъ за столомъ?

Гарпагонъ. Восемь или десять. Считаю, впрочемъ, восемь. Когда приготовлено на восемь, всегда хватить на десять.

ВАЛЕРЬ. Еще бы!

ЖАКЪ. Ну, такъ надобно... закуску... бульонъ, пирожки... соусъ...

ГАРПАГОНЪ. Стой, стой! Ты весь городъ окормить хочешь, что-ли!..

ЖАКЪ. Потомъ, жаркое...

ГАРПАГОНЪ (*зажимая ему ротъ рукою*). Варваръ! Разорить меня вздумалъ!

ЖАКЪ. Пирожное...

ГАРПАГОНЪ (*снова зажимая ему ротъ*). Опять!..

ВАЛЕРЬ. Тебѣ, видно, хочется, чтобъ гости объѣлись? Развѣ баринъ хочетъ откормить ихъ на убой?.. Ты взгляни-ка въ лечебникъ, да спроси докторовъ, такъ и узнаешь, какъ нездорово обжираться!

ГАРПАГОНЪ. Совершенно справедливо.

ВАЛЕРЬ. Да будетъ вѣдомо и тебѣ, и всѣмъ тебѣ подобнымъ, что столъ, украшенный множествомъ блюдъ, похожъ на разбойничью западню; что лучшее доказательство дружественной привязанности къ людямъ, которыхъ зовешь откусывать, есть умеренность въ яствахъ, и что одинъ древній мудрецъ сказалъ: надо ѣсть, чтобъ жить, а не жить, чтобъ ѣсть. ⁽⁹⁾

ГАРПАГОНЪ. Великолѣпно сказано! Иди сюда, я тебя за это расцѣлю! Это одно изъ самыхъ умнѣйшихъ изреченій, какія я когда либо слышалъ! Надо жить, чтобъ ѣсть, а не ѣсть,

чтобъ... Нѣтъ, не такъ. Какъ, бишь, ты сказаль?

Валеръ. Надо ѣсть, чтобъ жить, а не жить, чтобъ ѣсть.

Гарпагонъ (*Жакъ*). Да, да... Слышишь? (*Валеру*). А какой это мудрецъ сказалъ?

Валеръ. Я теперь не могу припомнить его имя.

Гарпагонъ. Пожалуйста, не забудь записать мнѣ это изреченіе на память. Я велю вырѣзать его золотыми буквами на верху камина въ столовой.

Валеръ. Не забуду-съ. А на счетъ ужина, предоставьте лучше все мнѣ; я устрою какъ нельзя выгоднѣе.

Гарпагонъ. Хорошо, возьми на себя...

Жакъ. Тѣмъ лучше; мнѣ же меньше хлопотъ!

Гарпагонъ (*Валеру*). Надо приготовить такія кушанья, которыхъ гости ѣдятъ очень мало, а между тѣмъ остаются сыты: напимѣръ, бобы, поджаренные въ маслѣ, пирогъ какой нибудь изъ сдобнаго тѣста, съ вештанами...

Валеръ. Положитесь на меня.

Гарпагонъ. Теперь, Жакъ, надо почистить карету.

Жакъ. Позвольте, это касается кучера... (*Надѣваетъ на себя кучерской кафтанъ*). Вы изволили сказать...

Гарпагонъ. Надо вычистить карету и заложить лошадей, чтобъ ѣхать за покупками....

Жакъ. Лошадей заложить, сударь?... Помилуйте,

да онѣ еле ноги передвигаютъ!... Я не скажу, что онѣ валяются на подстилкахъ, потому что подстилокъ у нихъ нѣтъ никакихъ, и это значило бы грѣшить противъ правды; но вы такъ сильно заставляете ихъ поститься, что эти бѣдныя животныя похожи скорѣе, такъ сказать, на фантазію или привидѣнія, скорѣе на подобіе животныхъ, чѣмъ на настоящихъ лошадей.

Г а р п а г о н ѣ. Вотъ еще сожалѣнія!.. Онѣ ничего не работаютъ!

Ж а к ѣ. По вашему, коли нѣтъ работы, такъ ужъ и ѣсть ничего не надо? Для лошадокъ было бы гораздо лучше побольше работать, да и ѣсть за то побольше. Сердце надрывается, сударь, глядя, какъ онѣ измучены. Я люблю лошадокъ, и мнѣ кажется, что я самъ съ ними голодаю. Имъ ѣсть нечего, — такъ я имъ послѣдній свой кусокъ изъ горла тащу... Да, сударь, вѣрьте мнѣ: слишкомъ надо быть черствымъ человѣкомъ, чтобъ не имѣть жалости къ своему ближнему!

Г а р п а г о н ѣ. Не велика трудность довести до лавоѣ!

Ж а к ѣ. Какъ угодно, а у меня не хватитъ духа ими править! Мнѣ совѣстно ихъ бить кнутомъ. Могутъ ли онѣ тащить карету, когда ихъ самихъ скорѣе надо тащить?

В а л е р ѣ. Я попрошу, сударь, сосѣда Пикара сѣсть на козлы, онъ также поможетъ намъ и ужинъ приготовить.

Жакъ. Не спорю. Лучше околѣвать имъ отъ чужихъ рукъ, чѣмъ отъ моихъ.

Валеръ. Ты слишкомъ много разсуждаешь, Жакъ!

Жакъ. А вы суетесь тамъ, гдѣ васъ не просятъ.

Гарпагонъ. Молчать!

Жакъ. Я, сударь, терпѣть не могу льстецовъ. Я вижу, куда онъ мѣтитъ... Онъ хочетъ только васъ умаслить, поддѣлаться къ вамъ, вѣчно толкуя о своемъ присмотрѣ за хлѣбомъ, виномъ, солью, дровами и свѣчами.. Я бѣшусь не на шутку, слушая разные толки про васъ каждый день, потому что все-таки къ вамъ, сударь, привязанъ, на зло самому себѣ, и, послѣ своихъ лошадожь, люблю васъ больше всего на свѣтѣ.

Гарпагонъ. А нельзя ли мнѣ узнать, что именно говорятъ про меня, какіе именно толки?

Жакъ. Извольте, сударь,—могу сказать, если только не разсердитесь.

Гарпагонъ. Нисколько не разсержусь.

Жакъ Извините меня, — но я твердо увѣренъ, что ваша милость будетъ гнѣваться.

Гарпагонъ. Говорю тебѣ, что нѣтъ. Напротивъ, ты сдѣлаешь мнѣ даже удовольствіе, я буду очень радъ узнать, что обо мнѣ говорятъ.

Жакъ. Если ужъ вамъ такъ угодно,—скажу напрямки, что надъ вами вездѣ смѣются, что только и слышишь про васъ брань да ругань, что каждый радъ случаю отдѣлать васъ и что намъ

просто уши прожужжали вашимъ скаредничествомъ.

Одинъ говорить, что вы нарочно выдумываете календари, въ которыхъ постные дни обозначены вдвое противъ настоящихъ, и заставляете вашихъ людей соблюдать такой постъ. Другой рассказываетъ, что во время праздниковъ или когда ваши люди отказываются отъ мѣста, у васъ всегда кстати подоспѣетъ ссора съ ними, въ которой вы всегда правы, а имъ не даете ни копѣйки. Третій говорить, что вы чуть не подали жалобу въ судъ на кота одного изъ вашихъ сосѣдей за то, что этотъ котъ съѣлъ у васъ жаркое изъ баранины. Четвертый утверждаетъ, что васъ застали одинъ разъ ночью, когда вы крали овесъ у вашихъ собственныхъ лошадей, и что вучеръ, служившій прежде меня, задалъ вамъ, въ темнотѣ, жестокую потасовку, о которой, впрочемъ, вы никому не сказали ни слова. Наконецъ, если вы хотите,—такъ и быть: никуда и выдти нельзя безъ того, чтобъ не слышать, какъ васъ чуть на клочки не дерутъ! Вы служите баенею и посмѣшищемъ всему свѣту, и о васъ говорятъ не иначе, какъ называя скупцомъ, жидомомомъ, скрягой и сутягой. (10)

Гарпагонъ (*бьетъ Жака*). Вотъ тебѣ за то, дуракъ, мошенникъ, каналья и ракаль!

Жакъ. Ну, что? не правду-ли я говорилъ, а вы не хотѣли вѣрить! Вѣдь я предсказывалъ, что вы разсердитесь, если скажу правду!

Гарпагонъ. Впередъ знай, что говорить!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Валеръ, Жакъ.

ВАЛЕРЪ (*смѣясь*). По всему видно, Жакъ, что вашу откровенность не дорого цѣнить!

ЖАКЪ. Чортъ возьми! Вы-то выскочка, чего суетесь не въ свое дѣло!... Дождитесь сами, когда васъ отколотятъ, тогда и смѣйтесь! Надъ другими нечего скалить зубы!

ВАЛЕРЪ. Не гнѣвайтесь, умоляю васъ, господинъ Жакъ!

ЖАКЪ (*въ сторону*). Небось, присмирѣлъ. Попробую-ка я его приструнить, и если онъ такъ глупъ, что испугается, то и потасовку, пожалуй, задать можно! (*Громко*). А вы знаете ли, господинъ потѣшникъ, что я насмѣшекъ не терплю, и если взбѣсите меня черезчуръ, такъ я заставлю васъ смѣяться инымъ манеромъ. (*Толкаетъ Валера въ глубину сцены, съ угрожающими жестами*).

ВАЛЕРЪ. Потише, потише!...

ЖАКЪ. Какъ бы не такъ, потише! Вотъ я тебѣ покажу!

ВАЛЕРЪ. Прошу васъ...

ЖАКЪ. Ты, братецъ, нахаль!

ВАЛЕРЪ. Помилуйте, господинъ Жакъ...

ЖАКЪ. Чтò тутъ за господинъ Жакъ! Я вотъ возьму палку, да и отвалю тебя на всѣ корки!...

ВАЛЕРЪ. Какъ! Палку? (*Въ свою очередь, заставляетъ Жака отступить на авансцену*).

Жакъ, Да я не о ней говорю!...

Валеръ. А знаешь ли, ты, нахаль, что коли на то пошло, такъ я самъ тебя одую!...

Жакъ. Я и не сомнѣваюсь въ этомъ.

Валеръ. Ты, собственно говоря, ничто иное, какъ дрянной поваришка!

Жакъ. Не прекословлю!...

Валеръ. Ты меня еще не знаешь хорошенько!

Жакъ. Очень можетъ быть.

Валеръ. Ты хотѣлъ меня одуть?

Жакъ. Помилуйте, я вѣдь шутилъ!...

Валеръ. Ну, а я покажу тебѣ, что такія шутки не у мѣста! (*Бьетъ Жака палкой*). Видишь, какъ твои шутки не встали!...

Жакъ (*одинъ*). Чортъ бы побралъ откровенность! Прескверная привычка: закаиваюсь навсегда, не хочу больше говорить правду! Положимъ, еще баринъ... онъ имѣетъ право бить меня; ⁽¹¹⁾ а этотъ лакейшка туда же суется!... Нѣтъ, ужъ я вымещу на немъ, если удастся!...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Маріанна, Фрозина, Жакъ.

Фрозина. А что, Жакъ, баринъ дома?

Жакъ. Дома, дома! Мнѣ ли этого не знать!

Фрозина. Такъ доложи ему, пожалуйста, что мы пришли.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маріанна, Фрозина.

Маріанна. Въ какомъ я странномъ положеніи, Фрозина!... Правду сказать, это свиданіе мнѣ очень непріятно.

Фрозина. Отчего такъ? Что за боязнь!...

Маріанна. Вы спрашиваете? Развѣ вы не можете себѣ представить, какимъ мученіямъ подвергается дѣвушка въ ожиданіи такой пытки?

Фрозина. Я вижу ясно, что Гарпагонъ не можетъ вамъ доставить такого мученія, ради котораго вы были бы готовы умереть съ удовольствіемъ. Догадываюсь по вашему лицу, что тотъ молодой блондинъ, о которомъ вы недавно говорили, пришелся бы вамъ болѣе по вкусу.

Маріанна. Въ этомъ я не стану отпираться. Признаюсь, его посѣщенія произвели впечатлѣніе на мое сердце.

Фрозина. Узнали ли вы, кто онъ таковъ?

Маріанна. Нѣтъ, не узнала. Но я знаю, что онъ стоитъ любви; если бѣ пришлось выбирать мнѣ самой, я вышла бы скорѣе замужъ за него, чѣмъ за кого либо другаго. Мнѣ кажется, онъ виною тому, что я не могу безъ отвращенія подумать о человѣкѣ, за котораго хотятъ меня выдать замужъ.

Фрозина. Извѣстное дѣло, Боже ты мой! всѣ эти блондины пріятны для глазъ и умѣютъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ; только вѣдь у нихъ, по

большей части, въ карманахъ дыри, вамъ лучше имѣть муженька хоть и стараго, да чтобъ у него денежки водились. Не спорю,—о любви здѣсь не можетъ быть и помину, и съ такимъ мужемъ многое можетъ показаться очень сквернымъ,—но вѣдь это все не на долго. Послѣ его смерти вы сейчасъ же подхватите другаго муженька и полюбезнѣе, и помилѣе, который сдумѣетъ вознаграждать за прошлое.

Маріанна. Но какъ это странно, Фрозина: для того, чтобъ быть счастливой, надо непременно желать или ожидать смерти другаго! Притомъ же смерть не всегда осуществляетъ наши надежды.

Фрозина. Чтò за шутки? Вѣдь вы и выходите за него замужъ только съ тѣмъ условіемъ, что скоро сдѣлаетесь вдовою; это одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ контракта. Будетъ непростительною дерзостью съ его стороны, если онъ не отправится на тотъ свѣтъ черезъ три мѣсяца. А! Вотъ и онъ собственной особой.

Маріанна. Ахъ, Фрозина! Вотъ то фигура!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гарпагонъ, Маріанна, Фрозина.

Гарпагонъ (*Маріаннѣ*). Извините меня, прелестная Маріанна, что я пришелъ къ вамъ въ очкахъ. Я знаю, ваша обворожительная наружность и безъ того кидается въ глаза; очковъ не надо,

чтобъ ее видѣть... Но, замѣтьте, только при помощи стеколъ можно созерцать свѣтила; я же подтверждаю и ручаюсь... что вы такая звѣзда, именно такая... звѣзда, которой нѣтъ очаровательнѣе между всѣми звѣздами. (*Фрозинъ*). Фрозина! Она ничего не говоритъ и, кажется по всему, не особенно рада меня видѣть.

Фрозина. Она поражена!.. Къ тому же дѣвушкамъ всегда на первый разъ стыдно такъ прямо и выразить, что у нихъ на сердцѣ.

Гарпагонъ (*Фрозинъ*). Справедливо замѣчено! (*Маріаннъ*). А вотъ и моя дочка идетъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, прелестная Маріанна!

ЯВЛЕНІЕ X.

Гарпагонъ, Элиза, Маріанна, Фрозина.

Маріанна. Мнѣ совѣстно, что я слишкомъ поздно посѣтила васъ, сударыня.

Элиза. Вы только предупредили меня; я, съ своей стороны, должна была бы сдѣлать это гораздо раньше...

Гарпагонъ (*Маріаннъ*). Вы замѣчаете, какъ она велика ростомъ... Что дѣлать! Дурная трава скоро растеть!

Маріанна (*тихо Фрозинъ*). Какой непріятный человѣкъ!

Гарпагонъ. (*тихо Фрозинъ*). Что сказала эта красавица?

Фрозина. Что вы изумительны!

Гарпагонъ. Слишкомъ много чести для меня, восхитительное созданіе!

Маріанна (*въ сторону*). Что за животное!

Гарпагонъ. Вполнѣ цѣню ваши чувства.

Маріанна (*въ сторону*). Не могу больше выдержать!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Г. Б. Ч. Т.

Гарпагонъ, Маріанна, Элиза, Клеантъ, Валеръ, Фрозина, Брендавуанъ.

Гарпагонъ. Вотъ и сынъ мой желаетъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Маріанна (*тихо Фрозинѣ*). Фрозина! Какая встрѣча! Вѣдь онъ тотъ самый, о комъ я тебѣ говорила!..

Фрозина (*Маріаннѣ*). Забавное приключеніе!

Гарпагонъ. Вы, я вижу, удивляетесь, что у меня такія взрослые дѣти, но я скоро развяжусь съ ними обоими.

Клеантъ (*Маріаннѣ*). Если вы, сударыня, позволите мнѣ высказаться откровенно, то я никакъ не ожидалъ такой необычайной встрѣчи; и мой батюшка не мало удивилъ меня, отерывшись въ своемъ намѣреніи.

Маріанна. Могу сказать вамъ тоже самое: меня точно также изумила наша неожиданная встрѣча; я совсѣмъ не была къ ней приготовлена.

К л е а н т ъ. Я увѣренъ, что мой батюшка не могъ сдѣлать лучшаго выбора, и я въ восторгѣ отъ того, что имѣю честь васъ видѣть; но вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣю увѣрять васъ, что благословляю судьбу, которая судила вамъ быть моею мачихой. Слишкомъ трудно мнѣ высказать подобный комплиментъ, и, долженъ сознаться, я нисколько не желаю такого родства. Можетъ быть, инымъ мои слова покажутся слишкомъ дерзкими, но я увѣренъ, что вы поймете ихъ какъ слѣдуетъ, — поймете вполне, какое отвращеніе я долженъ чувствовать къ этому браку; зная меня, вы согласитесь, до какой степени онъ нарушаетъ всѣ мои интересы, и, наконецъ, позвольте сказать вамъ, — разумѣется, съ позволенія батюшки, — что еслибъ это только отъ меня зависѣло, то этому браку никогда бы и не бывать.

Г а р п а г о н ъ. Вотъ нахальный пріемъ! Хороша откровенность, нечего сказать!

М а р і а н н а. А я, въ отвѣтъ, скажу тоже самое. Если вамъ непріятно видѣть меня своею мачихой, то и мнѣ точно также было бы непріятно видѣть васъ моимъ пасынкомъ. Прошу васъ, не думайте, что это я желала причинить вамъ такое неудовольствіе. Мнѣ было бы это очень непріятно, и еслибъ не принуждала меня къ тому сила безграничнаго повиновенія, то даю вамъ честное слово, я ни за что не согласилась бы на бракъ, который причиняетъ вамъ столько горя.

Г а р п а г о н ъ. Она говоритъ правду. На глупое

привѣтствіе и отвѣтъ такой же долженъ быть. Прошу васъ простить меня, прелестная Маріанна, за невѣжливость моего сына: онъ молодъ и глупъ и не знаетъ значенія своихъ словъ.

МАРІАННА. Увѣряю васъ, я нисколько не обидѣлась; напротивъ, очень рада, что онъ такъ откровенно высказалъ свои чувства. Мнѣ по душѣ такое признаніе; еслибъ онъ иначе говорилъ, онъ понравился бы мнѣ гораздо менѣе.

ГАРПАГОНЪ. Вы слишкомъ добры, желая извинить его опрометчивость. Со временемъ онъ сдѣлается поумнѣе и измѣнитъ мысли.

КЛЕАНТЪ. Нѣтъ, батюшка, я на это не способенъ; прошу и васъ, сударыня, выполнѣ этому вѣрить.

ГАРПАГОНЪ. Ты съ ума сошелъ? Опять свое несешь?...

КЛЕАНТЪ. Какъ вы хотите, чтобъ я шелъ наперекоръ своему сердцу?

ГАРПАГОНЪ. Опять!.. Ты лучше бы о чемъ нибудь другомъ заговорилъ.

КЛЕАНТЪ. Извольте! Если вамъ угодно, я поговорю и иначе. Позвольте мнѣ стать на мѣсто батюшки и признаться, что никого на свѣтѣ не видѣлъ я прелестнѣе васъ, что ничто не можетъ сравниться съ счастіемъ вамъ понравиться, и что быть вашимъ мужемъ такое блаженство, которому я предпочелъ бы судьбу могущественнѣйшихъ владыкъ земли. Да! Счастіе обладать вами, — на мои

глаза, самое высочайшее блаженство; въ этомъ состоитъ вся цѣль моей жизни. Нѣтъ на свѣтѣ вещи, которой не сдѣлалъ бы я изъ желанія обладать такимъ сокровищемъ; какія бы ни были препятствія...

Гарпагонъ. Потихе, сынокъ, потихе!

Клеантъ. Я исполняю ваше желаніе и говорю за васъ.

Гарпагонъ. Да у меня самого есть на то языкъ, слава Богу! Мнѣ не нужно такого адвоката. Эй, придвиньте сюда кресла!..

Фрозина. Нѣтъ, мы лучше поѣдемъ теперь за покупками, поскорѣе вернемся и тогда ужъ поговоримъ съ вами.

Гарпагонъ (*Брендавуану*). Пусть заложатъ карету.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, *кромя* Брендавуана.

Гарпагонъ (*Маріаннѣ*). Извините меня, прелестная Маріанна, что я не распорядился угостить васъ чѣмъ нибудь до вашей поѣздки.

Клеантъ. Я объ этомъ позаботился, батюшка... сюда принесутъ сейчасъ апельсиновъ, сладкихъ лимоновъ и варенья, за которыми я послалъ отъ вашего имени.

Гарпагонъ (*тихо Валеру*) Валерь!

Валерь. (*Гарпагону*). Онъ съ ума спятилъ!

КЛЕАНТЪ. Вы думаете, батюшка, что это слишкомъ мало? Надѣюсь, что наша гостыя извинить насъ...

МАРІАННА. Къ чему это? Совсѣмъ не нужно...

КЛЕАНТЪ. А посмотрите ка, каковъ перстень у моего батюшки... Каковъ алмазъ! Какъ онъ горитъ и сверкаетъ!...

МАРІАННА. Въ самомъ дѣлѣ, какъ блеститъ!...

КЛЕАНТЪ (*снимая перстень съ пальца Гарпагона и отдавая его Маріаннѣ*). Вглядитесь поближе.

МАРІАННА. Да, онъ удивительно хорошъ!... Такъ и переливается огнями!...

КЛЕАНТЪ (*становясь противъ Маріанны, которая намѣревается воззратить перстень*). Нѣтъ, позвольте, позвольте!... Онъ въ слишкомъ хорошихъ ручкахъ!... Батюшка даритъ вамъ его.

ГАРПАГОНЪ. Я?

КЛЕАНТЪ. Вѣдь правда, вы хотите, батюшка, чтобъ она приняла его отъ васъ въ знакъ любви?

ГАРПАГОНЪ (*тихо Клеанту*). Какъ?

КЛЕАНТЪ (*Маріаннѣ*). Хорошо, впрочемъ, вопросъ! Онъ самъ дѣлаетъ мнѣ знакъ, чтобъ я упротилъ васъ принять.

МАРІАННА. Я совсѣмъ не хочу...

КЛЕАНТЪ (*Маріаннѣ*). Перестаньте, онъ ни за что его не возьметъ назадъ.

ГАРПАГОНЪ (*въ сторону*). Я бѣхусь, какъ...

МАРІАННА. Это было бы...

КЛЕАНТЬ (*не допуская Маріанну возвратить перстень*). Ни за что на свѣтъ! Это значить его обидѣть...

МАРІАННА. Умоляю васъ...

КЛЕАНТЬ. Ни за что.

ГАРПАГОНЪ (*въ сторону*). Чортъ бы побралъ...

КЛЕАНТЬ. Смотрите, какъ онъ недоволенъ вашимъ отказомъ.

ГАРПАГОНЪ (*тихо сыну*). Воришка!

КЛЕАНТЬ (*Маріаннѣ*). Видите, онъ просто въ отчаяніи...

ГАРПАГОНЪ (*тихо съ угрозою сыну*). Разбойникъ!

КЛЕАНТЬ. Не моя вина, батюшка, я дѣлаю, что могу; прошу изъ всѣхъ силъ взять, а она упрямится...

ГАРПАГОНЪ (*съ угрозою сыну, тихо*). Негодай!

КЛЕАНТЬ (*Маріаннѣ*). Вы будете причиной, что батюшка разсердится на меня.

ГАРПАГОНЪ. (*тихо сыну съ тѣми же жестами*). Мошенникъ!

КЛЕАНТЬ (*Маріаннѣ*). Онъ просто заболѣетъ! Умоляю васъ, не противьтесь долѣе!...

ФРОЗИНА (*Маріаннѣ*). Господи, что за церемоніи! Оставьте себѣ кольцо, если ему такъ хочется!

МАРІАННА (*Гарпагону*). Принимаю его, чтобъ только не разсердить васъ, а потомъ отдамъ назадъ непременно. ⁽¹²⁾

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же, Брендавуанъ.

Брендавуанъ. (*Гарпагону*). Васъ спрашиваетъ какой то господинъ.

Гарпагонъ. Скажи ему, что я занятъ.. Пусть придетъ въ другое время.

Брендавуанъ. Онъ говоритъ, что принесъ деньги.

Гарпагонъ (*Маріаннѣ*). Извините, пожалуйста, я сейчасъ приду...

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Гарпагонъ, Маріанна, Элиза, Клеантъ, Валеръ, Фрозина, Ламерлюшъ.

Ламерлюшъ (*вбѣгая и сталкиваясь съ Гарпагономъ, который падаетъ*). Баринъ, баринъ!...

Гарпагонъ. Ай! Я убитъ!...

Клеантъ. Что съ вами, батюшка? Вы ушиблись?

Гарпагонъ. Этотъ мошенникъ навѣрное подкупленъ моими должниками, чтобъ сломать мнѣ шею.

Валеръ (*Гарпагону*). Ничего, пройдетъ.

Ламерлюшъ (*Гарпагону*). Извините меня, сударь: я думалъ, что хорошо сдѣлаю, коли поскорѣе прибѣгу.

Гарпагонъ. Чего тебѣ нужно, животное?

Ламерлюшъ. Ваши обѣ лошади расковались!

Гарпагонъ. Пусть скорѣ сведутъ ихъ въ кухню.

Клеантъ. А до тѣхъ поръ, я приму, батюшка, за васъ гостей и проведу ихъ въ садъ, куда велю принести угощенье.

ЯВЛЕНИЕ XV.

Гарпагонъ, Валеръ.

Гарпагонъ. Ты, Валеръ, присматривай за всѣмъ хорошенько, и въ особенности постарайся, чтобъ побольше всего осталось, а потомъ я отошлю этотъ остатокъ въ лавку.

Валеръ. Хорошо.

Гарпагонъ (одинъ). О, сынъ дерзновенный! Ты вѣрно хочешь разорить меня въ конецъ!

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеантъ, Маріанна, Элиза, Фрозина.

К л е а н т ъ. Войдемте сюда; здѣсь гораздо лучше; нѣтъ никакого шпіона, и мы можемъ говорить, не стѣсняясь.

Э л и з а. Да, Маріанна, мой братъ признался мнѣ въ любви къ вамъ. Я знаю, какъ много горя и страданій причиняють подобныя дѣла, и повѣрьте, что я сочувствую вамъ отъ всего сердца.

М а р і а н н а. Для меня и то утѣшеніе, что вы принимаете участіе въ моемъ положеніи. Умоляю васъ, сохраните мнѣ навсегда вашу дружбу, которая утѣшаетъ меня за всѣ преслѣдованія судьбы.

Ф р о з и н а. Какъ посмотришь на васъ обоихъ, да подумаешь, отчего вы заранѣе меня обо всемъ не предупредили, такъ выходитъ, что вы дѣйствительно несчастные люди! Я сдумѣла бы избавить васъ отъ напасти и не довела бы дѣла до такого конца.

К л е а н т ъ. Чтѣ дѣлать! Уже такъ, видно, судьба

велѣла! Но скажите, милая Маріанна, на что вы рѣшились?

МАРІАННА. Боже мой! Могу ли я рѣшиться на чтонибудь? Могу ли я чегонибудь желать, выполнѣ завися отъ другихъ?

КЛЕАНТЪ. Какъ? И въ вашемъ сердцѣ ничего нѣтъ, кромѣ безплодныхъ желаній? Нѣтъ никакой, даже самой простой, жалости? Нѣтъ охоты помочь мнѣ? Нѣтъ привязанности, которая заставила бы васъ дѣйствовать рѣшительно?..

МАРІАННА. Что сказать мнѣ? Станьте на мое мѣсто и подумайте, что бы вы сдѣлали! Судите, приказывайте сами,—я вамъ ввѣряюсь. Я увѣрена, вы слишкомъ честны и не станете требовать отъ меня того, чего не дозволяютъ правила скромности и приличія.

КЛЕАНТЪ. Увы! Что же останется, если моя любовь будетъ зависѣть отъ какой то нетерпимой честности и оффиціального приличія?

МАРІАННА. Чего же вы наконецъ требуете? Я ужъ не говорю о тѣхъ условіяхъ, которыя я должна выполнить, какъ женщина,—но у меня остается еще долгъ въ отношеніи къ матери. Она воспитала меня съ любовью необычайною, и я не могу рѣшиться отплатить ей за это вѣчнымъ горемъ. Старайтесь сами; употребите всѣ усилія, чтобъ заслужить ея расположеніе. Можете дѣлать и говорить все, что хотите; даю вамъ въ этомъ полную свободу. И если понадобится, чтобы и я дѣйствовала въ вашу пользу;

то я готова сама признаться ей въ моихъ чувствахъ къ вамъ.

К л е а н т ъ. А ты, добрая Фрозина, готова ли помогать намъ?

Ф р о з и н а. Что за вопросъ? Отъ всего сердца. Вѣдь вы знаете, что отъ природы я очень добра. У меня, слава Богу, сердце не каменное! Я такъ и рвусь услужить кому нибудь по силамъ, особенно когда вижу, что люди любятъ другъ дружку по чести, по совѣсти! Но какже тутъ помочь?

К л е а н т ъ. Подумай хорошенько, — можетъ быть и удастся.

М а р і а н н а. Научи насъ.

Э л и з а. Уладь какъ нибудь то, что ты сама разстроила.

Ф р о з и н а. Трудненько оно! (*Маріаннѣ*). Нельзя сказать, чтобъ ваша матушка была женщина неразсудительная, можетъ быть, съ нею можно было бы поладить, заставить ее отдать сынку то, что она обѣщала папашѣ. (*Клеанту*) Но главное зло въ томъ, что папаша этотъ вашъ папаша.

К л е а н т ъ. Само собой.

Ф р о з и н а. Я хочу сказать, что ему не совсѣмъ придется понутру, если ему откажутъ, и едва ли послѣ этого онъ дастъ согласіе на вашу свадьбу. Надо такъ сдѣлать, чтобъ онъ самъ отказался; пусть Маріанна постарается сдѣлаться для него противной.

К л е а н т ъ. Это такъ.

Ф р о з и н а. Разумѣется, такъ... Очень хорошо

знаю! Именно такъ и слѣдуетъ сдѣлать; но какъ, чортъ возьми, взяться за такую штуку?... Стойте!.. Если бы у насъ наплась какаянибудь женщина не первой молодости, которая была бы на столько же искусна, какъ и я, и сумѣла разыграть роль порядочной особы при помощи какогонибудь знатнаго имени, въ родѣ маркизы или графини, положимъ изъ Бретани, въ такомъ случаѣ, у меня хватило бы на столько ловкости, чтобъ увѣрить вашего отца, что за ней, кромѣ собственнаго ея дома, есть еще сто тысячъ экую чистыхъ денегъ, что она до страсти влюблена въ него и желаетъ выйти за него замужъ до такой степени, что готова укрѣпить въ пользу его все свое имущество... Я увѣрена вполнѣ, что онъ поддастся на такое предложеніе. Знаю, Маріанна, что онъ влюбленъ въ васъ, но еще болѣе влюбленъ онъ въ деньги. А когда, ослѣпленный приманкою, онъ согласится на то, что касается васъ, тогда не велика бѣда, если и увидитъ обманъ, разузнавъ правду про вымышленную маркизу!

К л е а н т ъ. Счастливая мысль!

Ф р о з и н а. Ужъ положитесь на меня! Я вспомнила про одну знакомую, которая какъ нельзя лучше подойдетъ къ такой роли.

К л е а н т ъ. Если ты это устроишь, Фрозина,— будь увѣрена въ моей благодарности. Но, прежде всего, прелестная Маріанна, надо склонить вашу мать на нашу сторону: не шутка разстроить предположенную свадьбу. Умоляю васъ, употребите для этого

всѣ старанія! Воспользуйтесь всѣмъ вліяніемъ, какое только вы имѣете надъ нею. Не стѣсняясь ничѣмъ, употребите въ дѣло всю обаятельную грацію, всю могущественную прелесть, какія небо вселило въ ваши уста и взоры... Не забудьте ничего: ни нѣжныхъ рѣчей, ни сладкой мольбы, ни трогательныхъ ласкъ,—и я увѣренъ, что она ни въ чемъ не откажетъ вамъ.

МАРІАННА. Сдѣлаю все, что могу, и не забуду ничего. (*Клеантъ цѣлуетъ ея руку*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Гарпагонъ, Клеантъ, Маріанна, Элиза.

ГАРПАГОНЪ (*въ сторону, незамѣченный*). Ого! Сынокъ цѣлуетъ ручку будущей мачихи, а будущая мачиха не особенно недовольна... Тутъ что то недаромъ..

ЭЛИЗА. Вотъ и батюшка.

ГАРПАГОНЪ. Карета готова; можете ѣхать, когда хотите.

КЛЕАНТЪ. Если вы, батюшка, не ѣдете сами, позвольте мнѣ ихъ проводить.

ГАРПАГОНЪ. Нѣтъ, останься. Онѣ поѣдутъ однѣ; ты мнѣ нуженъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Гарпагонъ, Клеантъ.

Гарпагонъ. Ну, оставивъ въ сторонѣ ея значеніе какъ будущей мачихи, скажи ка мнѣ, какъ тебѣ кажется эта особа?

Клеантъ. Какъ кажется?

Гарпагонъ. Да, т. е. наружностью, ростомъ, красотой, умомъ?..

Клеантъ. Ну, это... гмъ, гмъ!..

Гарпагонъ. Однако-жъ?

Клеантъ. Говоря откровенно, я не нашель въ ней того, чего ожидалъ. По наружности, она настоящая кокетка, сложена она нескладно, красоты очень посредственной и ума самого обыкновеннаго. Не думайте, батюшка, чтобъ я хотѣлъ отвратить васъ отъ нея; ужъ если выбирать мачиху, такъ и она не хуже другой.

Гарпагонъ. Однако ты ей сейчасъ говорилъ...

Клеантъ. Да, я сказалъ ей нѣсколько комплиментовъ отъ вашего имени,—единственно съ цѣлью угодить вамъ.

Гарпагонъ. И такъ, ты не чувствуешь ни малѣйшаго влеченія къ ней?

Клеантъ. Рѣшительно, ни малѣйшаго.

Гарпагонъ. Очень жаль. Это разстраиваетъ одинъ планъ, который пришелъ мнѣ на умъ. Увидѣвъ ее здѣсь, я невольно раздумался о моихъ лѣтахъ: чего добраго, стану дурно говорить, если я же-

нюю на такой молодой дѣвушкѣ. Эта мысль заставила меня отказаться отъ моего намѣренія; но такъ какъ я уже сдѣлалъ ей предложеніе и далъ ей слово, то я женилъ бы на ней тебя, если бы ты не чувствовалъ къ ней такого отвращенія.

К л е а н т ъ. Меня?

Г а р п а г о н ъ. Тебя.

К л е а н т ъ. Женили бы?

Г а р п а г о н ъ. Женилъ бы.

К л е а н т ъ. Послушайте. Правда, она мнѣ не особенно нравится, но чтобъ сдѣлать удовольствіе вамъ, батюшка, я бы рѣшился на ней жениться, если вамъ угодно.

Г а р п а г о н ъ. Я разсудительнѣе, чѣмъ ты воображаешь и не хочу принуждать тебя.

К л е а н т ъ. Позвольте мнѣ принести эту жертву изъ любви къ вамъ.

Г а р п а г о н ъ. Нѣтъ, нѣтъ! Тотъ бракъ не можетъ быть счастливъ, который заключенъ безъ всякой привязанности.

К л е а н т ъ. Но, можетъ быть, батюшка, привязанность явится сама по себѣ потомъ? Говорятъ, что любовь есть часто послѣдствіе брака.

Г а р п а г о н ъ. Нѣтъ. Мужчина, въ этомъ случаѣ, не долженъ рисковать; я всегда остерегался бы несчастныхъ послѣдствій. Другое дѣло, — если бы ты чувствовалъ къ ней хоть какую нибудь склонность; я предложилъ бы ей тогда, вмѣсто се-

бя, въ мужа тебя. Но такъ какъ этого нѣтъ, то я исполню свое прежнее намѣреніе и женюсь на ней самъ.

К л е а н т ъ. Такъ и быть! Если на то пошло, я долженъ признаться во всемъ, я долженъ открыть нашу тайну. Я влюбленъ въ нее съ того дня, какъ увидѣлъ ее на прогулкѣ, тотчасъ же хотѣлъ просить у васъ позволенія жениться на ней и меня удержали только ваша собственная любовь къ ней и боязнь навлечь на себя вашъ гнѣвъ.

Г а р п а г о н ъ. Ты у нея бывалъ?

К л е а н т ъ. Да, батюшка.

Г а р п а г о н ъ. Много разъ?

К л е а н т ъ. Достаточно, принимая въ соображеніе краткость времени.

Г а р п а г о н ъ. И хорошо тебя принимали?

К л е а н т ъ. Очень хорошо, нисколько не догадываясь, кто я такой; поэтому Маріанна такъ и удивилась, встрѣтивъ меня здѣсь.

Г а р п а г о н ъ. Ты признался ей въ любви и сказалъ о намѣреніи жениться на ней?

К л е а н т ъ. Какже! Даже нѣсколько намекнулъ о томъ и матери.

Г а р п а г о н ъ. Что-жъ, она выслушала благосклонно?

К л е а н т ъ. Да, съ большимъ участіемъ.

Г а р п а г о н ъ. А дочь отвѣчаетъ тебѣ взаимностью?

КЛЕАНТЪ. Судя по всему, я увѣренъ, батюшка, что ко мнѣ благоволитъ.

ГАРПАГОНЪ. *(въ сторону)*. Очень радъ, что узналъ эту тайну; именно этого я и добивался... *(Громко)*. Теперь, любезный сынокъ, выслушай хорошенько, что я тебѣ скажу: ты эту любовь выкинь изъ головы; перестань приставать къ дѣвушкѣ, которая должна скоро сдѣлаться моею женою, и приготовься жениться въ скоромъ времени на той, которую я тебѣ предназначаю.

КЛЕАНТЪ. Вотъ какъ!... Ловко же вы меня поддѣли, батюшка! Ну, если ужъ пошло на то, такъ объявляю вамъ, что ни за какія сокровища не откажусь отъ Маріанны, что я готовъ на все, чтобъ оспаривать у васъ ея руку, и если вы добились согласія ея матери, то я прибѣгну къ другимъ средствамъ, которыя постоятъ за меня.

ГАРПАГОНЪ. Какъ, разбойникъ! Ты осмѣливаешься отбивать у меня невѣсту?

КЛЕАНТЪ. Вы сами отбиваете ее у меня; я раньше занялъ мѣсто.

ГАРПАГОНЪ. Развѣ я не отецъ тебѣ? Развѣ ты не обязанъ уважать меня?

КЛЕАНТЪ. Это не такія вещи въ которыхъ дѣти должны почитать своихъ родителей; любовь не знаетъ никого!

ГАРПАГОНЪ. Вотъ ты такъ сейчасъ меня узнаешь, какъ я возьму палку...

КЛЕАНТЪ. Эти угрозы ни къ чему не поведутъ!

ГАРПАГОНЪ. Ты откажешься отъ Маріанны.

КЛЕАНТЪ. Ни за что на свѣтѣ.

ГАРПАГОНЪ. Эй! дайте мнѣ палку!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гарпагонъ, Клеантъ, Жакъ.

ЖАКЪ. Господа, господа! Что съ вами?

КЛЕАНТЪ. Мнѣ все равно!

ЖАКЪ. (*Клеанту*). Ахъ, сударь! Какже это можно!...

ГАРПАГОНЪ. Такъ дерзко говорить со мною!

ЖАКЪ (*Гарпагону*). Ради Бога, успокойтесь, сударь!...

КЛЕАНТЪ. Я не уступлю!...

ЖАКЪ (*Клеанту*). Какъ? Вашему батюшкѣ?...

ГАРПАГОНЪ. Оставь меня, не мѣшай...

ЖАКЪ (*Гарпагону*). Какъ? Съ вашимъ сыномъ?... Помилуйте! Вѣдь онъ не я!...

ГАРПАГОНЪ. Жакъ, я хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ нашемъ спорѣ, хочу доказать, что я правъ.⁽¹³⁾

ЖАКЪ. Согласенъ. (*Клеанту*). Отойдите немножко.

ГАРПАГОНЪ. Я люблю одну дѣвушку, на которой хочу жениться, а вотъ этотъ негодяй имѣлъ дерзость влюбиться въ нее вмѣстѣ со мною и смѣетъ заявлять желаніе жениться на ней, не смотря на мой приказъ.

ЖАКЪ. О, онъ виноватъ.

Гарпагонъ. Развѣ это не ужасно!.. Сынъ — соперникъ своего отца! Не долженъ ли онъ, изъ уваженія къ отцу, оставить въ покоѣ предметъ моей любви?...

Жакъ. Вполнѣ вѣрно. Позвольте мнѣ съ нимъ поговорить, и останьтесь здѣсь. (*Подходитъ къ Клеанту*).

Клеантъ (*Жаку*). Такъ и быть! Если онъ выбралъ тебя судьей, я согласенъ на это... Все равно, кто бы ни былъ. Я точно также обращаюсь, Жакъ, къ тебѣ съ просьбою разрѣшить нашъ споръ.

Жакъ. Слишкомъ много чести, сударь...

Клеантъ. Я влюбленъ въ одну молодую дѣвушку, которая отвѣчаетъ мнѣ взаимностью и охотно выслушиваетъ мои признанія въ любви; а мой отецъ осмѣливается идти наперекоръ нашимъ чувствамъ, самъ сдѣлавъ ей предложеніе.

Жакъ. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ не правъ.

Клеантъ. Не стыдно ли, въ его лѣта, думать о женитьбѣ? Пристало ли ему быть влюбленнымъ? Не слѣдуетъ ли ему предоставить это скорѣе людямъ молодымъ?..

Жакъ. Вы совершенно правы. Онъ шутитъ. Позвольте сказать ему два словечка. (*Гарпагону*). Я вамъ скажу, сударь, вашъ сынокъ совсѣмъ не такой сумасбродъ, какимъ вы егоставляете. Онъ судитъ правильно. Онъ говоритъ, что, молъ, очень уважаетъ васъ, что онъ только такъ... немножко погорячился на первыхъ порахъ и очень будетъ

радъ сдѣлать все, что вамъ угодно, если только вы станете обращаться съ нимъ лучше и жените его такъ, чтобъ онъ остался доволенъ.

ГАРПАГОНЪ. Въ такомъ случаѣ, скажите ему, Жакъ, что за это онъ можетъ во всемъ на меня надѣяться и что, кромѣ Маріанны, я даю ему полную волю жениться на комъ угодно.

ЖАКЪ. Я сейчасъ все это устрою. (*Клеанту*). Послушайте: вѣдь батюшка вашъ совсѣмъ не такой странный человѣкъ, какъ вы говорите. Онъ сейчасъ сказалъ, что сердится только на вашу заносчивость и осуждаетъ вашу манеру... Онъ очень радъ исполнить то, что вы хотите, — лишь бы попросили его хорошенько и оказали уваженіе, почтеніе и преданность, которыми всякій сынъ обязанъ своему отцу.

КЛЕАНТЪ. О, Жакъ! Ты можешь увѣрить его, что если онъ отдастъ мнѣ Маріанну, то я буду преданъ ему какъ никто на свѣтѣ и всегда буду дѣлать только то, что онъ захочетъ.

ЖАКЪ (*Гарпагону*). Дѣло кончено. Онъ согласенъ.

ГАРПАГОНЪ. Лучше ничего и не надо.

ЖАКЪ (*Клеанту*). Все улажено. Онъ вами доволенъ.

КЛЕАНТЪ. Слава тебѣ, Господи!

ЖАКЪ. Теперь вамъ остается только поговорить промежъ себя: вы согласны во всемъ, — и ссорились только оттого, что не разумѣли другъ друга.

КЛЕАНТЬ. Мой милый Жакъ! На всю жизнь тебѣ обязанъ!

ЖАКЪ. Не за что, сударь!..

ГАРПАГОНЪ. Я очень доволенъ тобою, Жакъ! Ты стоишь награды... (*Шаритъ въ карманъ; Жакъ протягиваетъ руку; Гарпагонъ вынимаетъ носовой платокъ*). Я этого не забуду, будь спокоенъ.

ЖАКЪ. Цѣлую ваши ручки.

ЯВЛЕНИЕ V.

Гарпагонъ, Клеантъ.

КЛЕАНТЬ. Прошу прощенія, батюшка; я слишкомъ погорячился...

ГАРПАГОНЪ. Ничего, ничего!..

КЛЕАНТЬ. Увѣряю васъ, я сожалѣю объ этомъ какъ нельзя болѣе.

ГАРПАГОНЪ. А я очень радъ, что ты образумился.

КЛЕАНТЬ. Какъ вы добры, что простили мнѣ вину мою!

ГАРПАГОНЪ. Легко забывать проступки дѣтей, когда они снова возвращаются на путь истины.

КЛЕАНТЬ. Неужели вы нисколько не сердитесь на меня за всѣ мои безразсудства?

ГАРПАГОНЪ. Ты самъ обязываешь меня смотрѣть на все снисходительно; я вижу, ты считаешь отца и повинуюсь ему.

КЛЕАНТЬ. Обѣщаю, батюшка, до гроба со-

хранить въ сердцѣ воспоминаніе о всѣхъ вашихъ благодареніяхъ.

Гарпагонъ. А я общаю тебѣ, что сдѣлаю для тебя рѣшительно все, что ты ни захочешь.

Клеантъ. Ахъ, батюшка! Мнѣ болѣе ничего не надо; довольно того, что вы отдали мнѣ Маріанну.

Гарпагонъ. Что?

Клеантъ. Я говорю, батюшка, что я и безъ того слишкомъ доволенъ... Я выполнѣ цѣню вашу доброту и ваше согласіе на мой бракъ съ Маріанной.

Гарпагонъ. Да кто говоритъ тебѣ о Маріаннѣ?

Клеантъ. Вы, батюшка.

Гарпагонъ. Я?

Клеантъ. Да какъ же...

Гарпагонъ. Какъ? Да вѣдь ты самъ общалъ не думать больше о ней?..

Клеантъ. Какъ? Мнѣ не думать о ней?..

Гарпагонъ. Ну, да.

Клеантъ. Ни за что!

Гарпагонъ. Такъ ты все еще хочешь на ней жениться?

Клеантъ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь!

Гарпагонъ. Какъ, негодяй! Опять?

Клеантъ. Меня ничто не остановитъ!

Гарпагонъ. Подожди, разбойникъ!..

Клеантъ. Дѣлайте, что хотите!

Гарпагонъ. Запрещаю тебѣ показываться мнѣ на глаза.

Клеантъ. И чудесно.

Гарпагонъ. Я отрекаюсь отъ тебя!

Клеантъ. Отрекайтесь.

Гарпагонъ. Ты больше мнѣ не сынъ!

Клеантъ. Извольте!

Гарпагонъ. Лишаю тебя наслѣдства!

Клеантъ. Всего, что угодно.

Гарпагонъ. И ниспосылаю на тебя проклятіе!..

Клеантъ. Держите ваши подарки при себѣ!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Клеантъ, Лафлешъ.

Лафлешъ (*выбѣгая изъ сада со шкатулкой*).
Ахъ, какъ кстати я васъ встрѣтилъ!.. Идите скорѣй за мной!

Клеантъ. Что случилось?

Лафлешъ. Скорѣе, говорю вамъ: дѣло въ шляпѣ!

Клеантъ. Какъ такъ?

Лафлешъ. Вотъ въ этомъ вся штука и есть!

Клеантъ. Въ чемъ?

Лафлешъ. Я цѣлый день точилъ на это зубы!..

Клеантъ. Да что это такое?

Лафлешъ. Папенькино сокровище, — попалось на удочку!

КЛЕАНТЪ. Какъ тебѣ удалось?..

ЛАФЛЕШЪ. Все узнаете!.. Бѣжимъ, бѣжимъ! Я слышу его крикъ! (*убѣгаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГАРПАГОНЪ. (*кричитъ еще изъ сада*). Воры! Воры! Разбойники! Убійцы! Правосудіе, правосудіе, о, небо!!.. Погибъ! Убитъ! Зарѣзанъ! Деньги украли!!.. Кто укралъ? куда скрылся? гдѣ онъ? гдѣ прячется?.. Что мнѣ дѣлать? какъ найти?.. Куда бѣжать?.. Куда не бѣжать?.. Можетъ быть, онъ здѣсь? Можетъ быть, тамъ?.. Ага! Стой! (*Схватывая себя за руку*). Давай деньги, мошенникъ!.. Фу, это я самъ! Умъ помутился! Не знаю, гдѣ я, что я, что дѣлаю... Увы! бѣдныя мои денежки, бѣдныя денежки! милые друзья!.. Украли васъ у меня!.. И съ вами потеряно все: моя опора, моя радость, мое блаженство!.. Все на свѣтѣ кончено для меня, нечего мнѣ больше дѣлать на немъ! Безъ васъ, мнѣ невозможно жить! Кончено! Не могу больше!.. Умираю! Умеръ! Похороненъ!.. И неужели никто не захочетъ воскресить меня, отдать мнѣ деньги или сказать, кто ихъ взялъ?.. А?.. Что?.. Что вы говорите?.. Нѣтъ! Это мнѣ только почудилось... Кто бы ни былъ онъ, а надо сознаться, что старательно выбиралъ время: вѣдь улучилъ именно то мгновеніе, когда я говорилъ съ негодѣемъ-сыномъ... Иду! Иду за полиціей,—пусть пытаются весь домъ,—горничныхъ, слугъ, сына, дочь, самого меня!.. Сколько

тутъ собралось людей!.. На кого ни взгляну,—всякій вселяетъ подозрѣніе!.. Всякій кажется моимъ воромъ!.. А? Что? О чемъ вы тамъ говорите?.. О томъ, кто обокралъ меня?.. Что за шумъ наверху?.. Поймали вора?.. Умоляю васъ, если напали на его слѣды, скажите мнѣ!.. Можетъ быть, онъ спрятался между васъ?.. Всѣ смотрятъ на меня! Начинаютъ смѣяться!.. О, нѣтъ сомнѣнія, что все это его сообщники!.. Навѣрно!.. Эй, скорѣй! скорѣй! Коммисара сюда, сыщиковъ, полицейскихъ, судей, тюрьму, висѣлицу, палача!.. Всѣхъ повѣсить! А если не найду денегъ, повѣшусь самъ!..

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гарпагонъ, Коммисаръ.

Коммисаръ. Положитесь на меня. Я, слава Богу, свое ремесло знаю. Не со вчерашняго дня приходится мнѣ розыскивать воровъ, и я былъ бы очень радъ, еслибъ у меня было столько мѣшковъ съ деньгами, сколько воришекъ удалось мнѣ повѣсить.

Гарпагонъ. Всѣ чиновники очень заинтересованы моимъ дѣломъ; но если мнѣ не отыщутъ денегъ, я подамъ жалобу въ судъ на него же самаго.

Коммисаръ. Слѣдуетъ произвести формальное слѣдствіе. Вы говорите, что въ этой шкатулкѣ было...

Гарпагонъ. Десять тысячъ экую чистоганомъ.

Коммисаръ. Десять тысячъ экую!

Гарпагонъ (*плача*). Десять тысячъ экую!

Коммисаръ. Значительная кража!

Гарпагонъ. Нѣтъ на свѣтѣ казни, достато-

чной для такого ужаснаго злодѣянiя! Если воръ останется не наказанъ, то нельзя ручаться за сохранность и цѣнность самыхъ священныхъ вещей!..

Коммисаръ. А какой монетой была эта сумма?

Гарпагонъ. Все золотые луидоры и пистолы..
Такіе звонкіе!

Коммисаръ. Кого же подозрѣваете вы въ кражѣ?

Гарпагонъ. Всѣхъ. Я хочу, чтобъ арестовали всѣхъ, и въ городѣ, и въ предмѣстьяхъ!

Коммисаръ. По моему мнѣнію, лучше не тревожьте никого, старайтесь потихоньку собрать нѣсколько уликъ, а ужъ потомъ, по всей строгости законовъ, и отбирайте украденныя деньги.

ЯВЛЕНІЕ II.

Гарпагонъ, Коммисаръ, Жакъ.

Жакъ (*въ глубинѣ сцены, въ сторону*). Сейчасъ приду. А вы, покамѣсть, изрѣжьте его на куски, поджарьте ноги, окуните въ кипятокъ и повѣсьте къ потолку.

Гарпагонъ (*Жаку*). Кого? Моего вора?

Жакъ. Поросенка, котораго прислалъ управляющій; я изготовлю вамъ его по моему способу.

Гарпагонъ. Рѣчь совсѣмъ не о томъ, а вотъ съ этимъ господиномъ надо тебѣ поговорить о другомъ дѣлѣ.

Коммисаръ (*Жаку*). Вы не бойтесь. Я васъ не трону, все обойдется очень скромненько.

Жакъ. Этотъ баринъ тоже будетъ у васъ ужинать?

Коммисаръ. Вы, любезнѣйшій дружочекъ, говорите только сущую правду вашему барину.

Жакъ. Честью завѣряю, сударь, я вамъ покажу все, что умѣю, и накормлю васъ какъ нельзя лучше.

Гарпагонъ. Совсѣмъ это къ дѣлу не относится!..

Жакъ. Если я не угощу васъ, какъ самъ хотѣлъ бы, то это вина управляющаго, который окарналъ мнѣ крылья ножницами своей скупости.

Гарпагонъ. Говорятъ тебѣ, мошенникъ, что дѣло совсѣмъ не въ ужинѣ. Я хочу, чтобъ ты разсказалъ намъ все, что знаешь объ украденныхъ деньгахъ.

Жакъ. У васъ украдены деньги?

Гарпагонъ. Да, разбойникъ! Украли деньги... И я велю тебя повѣсить, если ты ихъ не отыщешь!

Коммисаръ (*Гарпагону*). Прошу васъ, не обращайтесь съ нимъ такъ строго. Вижу по его лицу, что онъ честный человекъ; его незачѣмъ брать подъ арестъ,—онъ и безъ того скажетъ все, что вы хотите знать. Да, любезный другъ, скажите только правду, и мы вамъ ничего дурнаго не сдѣлаемъ, а баринъ вашъ наградитъ васъ за это

какъ должно. Сегодня у него украли деньги, вы должны же что нибудь знать?..

ЖАКЪ (*тихо, въ сторону*). Это очень кстати подоспѣло: я могу какъ нельзя лучше отмстить управляющему. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ къ намъ, онъ сдѣлался баловнемъ всего дома; его только и слушаютъ... А къ тому же на мнѣ отзывается до сихъ поръ его палка.

ГАРПАГОНЪ. Что ты бормочешь?

КОММИСАРЪ (*Гарпагону*). Оставьте его. Онъ готовится къ отвѣту. Я правду сказалъ, что онъ честный человѣкъ.

ЖАКЪ. Если ужъ вамъ угодно, сударь, знать всю правду, то мнѣ кажется, что эту штуку смастерилъ вашъ управляющій.

ГАРПАГОНЪ. Валеръ?

ЖАКЪ. Да.

ГАРПАГОНЪ. Онъ, который былъ, повидимому, мнѣ преданъ?

ЖАКЪ. Онъ самый. Я думаю, что именно онъ укралъ у васъ деньги.

ГАРПАГОНЪ. Отчего же ты собственно такъ думаешь?

ЖАКЪ. Отчего?

ГАРПАГОНЪ. Да.

ЖАКЪ. Думаю... Оттого, что такъ думаю.

КОММИСАРЪ. Но все-таки надобно знать, какія же вы имѣете основанія?..

ГАРПАГОНЪ. Ты, можетъ быть, видѣлъ, что

онъ похаживаль около того мѣста, гдѣ я спряталь деньги?

Жакъ. Именно. Позвольте узнать, гдѣ были спрятаны ваши деньги?

Гарпагонъ. Въ саду.

Жакъ. Такъ и есть; я видѣль, что онъ часто гуляль въ саду. А въ чемъ хранились эти деньги?

Гарпагонъ. Въ шкатулкѣ.

Жакъ. Теперь все ясно. Я видѣль у него шкатулку.

Гарпагонъ. Какая же эта шкатулка? Изъ чего сдѣлана? Я сейчасъ узнаю—она, или нѣтъ.

Жакъ. Изъ чего сдѣлана?

Гарпагонъ. Да.

Жакъ. Сдѣлана... какъ обыкновенно дѣлаются шкатулки.

Коммисаръ. Само собой! Но обозначьте ея видъ.

Жакъ. Шкатулка... большая.

Гарпагонъ. Та, которую украли у меня, была маленькая.

Жакъ. Ну, да! собственно говоря, она маленькая; но я называю ее большою потому, что въ ней много лежитъ.

Коммисаръ. Какого она цвѣта?

Жакъ. Какого цвѣта?

Коммисаръ. Да.

Жакъ. Цвѣта она... какъ вамъ сказать!.. цвѣта обыкновеннаго... помогите мнѣ сами, наконецъ!

Гарпагонъ. Что ты говоришь?

Жакъ. Кажется, краснаго цвѣта?

Гарпагонъ. Нѣтъ, сѣраго.

Жакъ. Ну, да; красновато-сѣроватая, —я такъ и хотѣлъ сказать.

Гарпагонъ. Она, она навѣрное! И сомнѣнiя быть не можетъ. Запишите, — запишите его показанiе! Боже ты мой! Кому-же, послѣ этого, вѣрить?.. Ни за что нельзя поручиться! Послѣ этого, я готовъ повѣрить, что самъ себя могу обокрасть!..

Жакъ (*Гарпагону*). Вотъ и онъ идетъ сюда! Ради Бога, не говорите только ему, что это я вамъ все рассказалъ.

ЯВЛЕНIЕ III.

Гарпагонъ, Коммисаръ, Валеръ, Жакъ.

Гарпагонъ. Иди-ка сюда, иди! признавайся въ самомъ гнуснѣйшемъ преступленiи, въ самомъ подломъ насилiи, какое когда либо было сдѣлано!

Валеръ. Что вамъ угодно, сударь?

Гарпагонъ. Какъ, извергъ! И ты не краснѣешь, что совершилъ такое преступленiе?

Валеръ. Какое преступленiе?

Гарпагонъ. Какое, негодяй?.. Какъ будто не знаешь, о какомъ я говорю?.. Напрасно притворяться!.. Все открыто! все узнали!.. Какъ! До такой степени злоупотребить моею добротой, нарочно

втереться въ мой домъ, чтобъ обмануть меня, сдѣлать такую подлость!..

Валеръ. Если ужъ все открылось, то позвольте вамъ сказать, что я самъ не стану ни отъ чего отрекаться или искать какой-нибудь лазейки.

Жакъ (*въ сторону*). Ого! Неужели я нечаянно попалъ въ цѣль!..

Валеръ. Я и самъ хотѣлъ вамъ все сказать; но ждалъ только удобнаго случая. Если ужъ такъ все разыгралось, то умоляю васъ: не сердитесь и выслушайте мое оправданіе!..

Гарпагонъ. Какое-же можетъ быть оправданіе, подлый воришка?..

Валеръ. Я не заслуживаю такого прозвища, милостивый государь. Положимъ, я оскорбилъ васъ; но, во всякомъ случаѣ, проступокъ мой извинителенъ.

Гарпагонъ. Извинителенъ?.. Устроить такую ловушку, чуть не убійство совершить?..

Валеръ. Умоляю васъ, не сердитесь! Выслушавъ меня, вы увидите, что бѣда совсѣмъ не такъ велика, какъ вамъ кажется.

Гарпагонъ. Бѣда совсѣмъ не такъ велика, какъ мнѣ кажется? Какъ? Моя кровь, мои внутренности, моя жизнь, негодяй!

Валеръ. Ваша кровь попадетъ въ хорошія руки. Я принадлежу къ тому сословію, которое не можетъ обезчестить васъ; и здѣсь нѣтъ ничего такого, чего я не могъ-бы исправить.

Гарпагонъ. Я на это и рассчитываю; я хочу, чтобъ ты возвратилъ мнѣ то, чего лишилъ меня.

Валеръ. Ваша честь будетъ вполнѣ удовлетворена.

Гарпагонъ. Тутъ дѣло совсѣмъ не о чести... Скажи мнѣ, кто подговорилъ тебя на такую вещь?

Валеръ. Увы! И вы меня еще спрашиваете?

Гарпагонъ. Разумѣется, спрашиваю.

Валеръ. Божество, которое оправдываетъ все, что изъ за него дѣлается—любовь.

Гарпагонъ. Любовь?!

Валеръ. Да.

Гарпагонъ. Хороша любовь! Хороша любовь, нечего сказать! Любовь къ моимъ деньгамъ!

Валеръ. Нѣтъ, не деньги прельстили меня, не онѣ меня ослѣпили! Не надо мнѣ вашего богатства, оставьте мнѣ лишь то, что я имѣю.

Гарпагонъ. Нѣтъ, чортъ возьми! я тебѣ этого не оставлю!.. Скажите пожалуйста, какова наглость! Желать, чтобъ я ему отдалъ то, что онъ у меня укралъ!

Валеръ. Вы называете это кражей?

Гарпагонъ. Кражей?.. Еще-бы! Когда у меня похищаютъ такое сокровище!

Валеръ. Правда, это сокровище,—сокровище, драгоценнѣе всѣхъ вашихъ сокровищъ; но если вы оставите его у меня, то еще не значитъ, чтобъ вы его лишились. На колѣняхъ умоляю васъ, оставьте мнѣ его!..

Гарпагонъ. Ни за что на свѣтѣ!.. Это еще что такое?..

Валеръ. Мы поклялись другъ другу въ взаимной любви и обѣщались не покидать другъ друга никогда.

Гарпагонъ. Не дурна клятва, недурно и обѣщаніе!..

Валеръ. Да, мы поклялись принадлежать другъ другу.

Гарпагонъ. Ну, повѣрьте, что я помѣшаю.

Валеръ. Одна смерть можетъ насъ разлучить!

Гарпагонъ. Однако онъ чертовски привязался къ моимъ деньгамъ!

Валеръ. Милостивый государь! Я ужъ вамъ сказалъ, что не деньги были причиной того, что я сдѣлалъ. Мое сердце заставляло дѣйствовать не тѣ пружины, о которыхъ вы говорите. Болѣе возвышенныя причины понудили меня рѣшиться на этотъ поступокъ.

Гарпагонъ. Вы увидите, что это онъ изъ любви къ ближнему хочетъ захватить мое добро! Но меня провести трудно!.. Правосудіе на моей сторонѣ, безстыднѣйшій мошенникъ!

Валеръ. Какъ вамъ угодно! Я готовъ все перенести, но во всякомъ случаѣ прошу васъ объ одномъ: если вамъ причинили зло, то обвиняйте во всемъ одного меня, ваша дочь ни въ чемъ не виновата!

Гарпагонъ. Еще-бы!.. Замѣчательная была-бы

вещь, если-бъ и моя дочь участвовала въ этомъ преступленіи!.. Но я хочу, чтобъ мнѣ отдали мою собственность, и ты долженъ сказать, гдѣ ее скрылъ.

Валеръ. Я и не думалъ скрывать ея; она до сихъ поръ у васъ.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Дорогая моя шкатулочка!.. (*громко*). Такъ она и не покидала моего дома?

Валеръ. Нѣтъ... Она все здѣсь, и я пылаю къ ней самымъ чистымъ и святымъ огнемъ.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Огнемъ въ шкатулкѣ!..

Валеръ. Я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ высказать ей хоть какую-нибудь оскорбительную мысль: она сама слишкомъ разсудительна и честна!..

Гарпагонъ (*въ сторону*). Моя шкатулка слишкомъ честна!..

Валеръ. Все мое желаніе состояло въ томъ, чтобъ ее видѣть,—видѣть ея прелестные глаза!

Гарпагонъ (*въ сторону*). У моей шкатулки прелестные глаза? Онъ говоритъ о ней, какъ влюбленный о своей возлюбленной!..

Валеръ. Клавдіи извѣстно все; она можетъ быть свидѣтельницею...

Гарпагонъ. Какъ? Моя служанка тоже въ этомъ замѣшана?...

Валеръ. Да, она была свидѣтельницей нашихъ клятвъ, и только узнавъ всю честность моихъ намѣреній, согласилась помочь мнѣ уговорить вашу

дочь повѣрить моей любви и признаться въ своихъ чувствахъ.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Не сошелъ-ли онъ съ ума отъ страха, что несетъ такую чепуху!.. (*Валеру*). Ты зачѣмъ все примѣшиваешь сюда дочь?

Валеръ. Я говорю, что насилу убѣдилъ ея цѣломудренную чистоту склониться на то, чтобъ выслушать мое признаніе.

Гарпагонъ. Цѣломудренная чистота? Чья?

Валеръ. Дочери вашей. Только вчера она дала формальное обѣщаніе выйти за меня замужъ.

Гарпагонъ. Моя дочь обѣщала выйти за тебя замужъ?

Валеръ. Да; а я обѣщаль на ней жениться.

Гарпагонъ. Господи! Вотъ еще новая напасть!

Жакъ (*Коммисару*). Запишите, сударь, запишите!..

Гарпагонъ. Новая бѣда! Новое горь!.. (*Коммисару*). Исполняйте велѣнія закона! Начинайте процессъ съ нимъ, какъ съ воромъ и обольстителемъ молодой дѣвушки!..

Жакъ. Именно: какъ съ воромъ и обольстителемъ...

Валеръ. Подобныя названія не могутъ примѣняться ко мнѣ; когда узнаютъ, кто я...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Гарпагонъ, Элиза, Маріанна, Валеръ, Фро-
зина, Жакъ, Коммисаръ.

Гарпагонъ. А! преступная дочь! дочь, недостойная такого отца! Такъ-то ты воспользовалась моими уроками? Ты влюбилась въ негодя-воришку, — и въ добавокъ безъ согласія отца?! Но вы обманываетесь оба! (*Элизѣ*). Тебя на ключъ, за четырьмя замками. (*Валеру*). А тебѣ — здоровая висѣлица въ награду за наглость!

Валеръ. Не вамъ, ослѣпленнымъ страстью, судить это дѣло; надѣюсь, что меня, по крайней мѣрѣ, выслушаютъ прежде, чѣмъ осудятъ.

Гарпагонъ. Я ошибся: тебя не повѣсить, колесовать надо!

Элиза. (*на колыняхъ, Гарпагону*). Батюшка! Не будьте такъ безчеловѣчны! Умоляю васъ, не доходите до крайнихъ границъ родительской власти! Не увлекайтесь первымъ порывомъ гнѣва! Подумайте хорошенько о томъ, что вы намѣрены дѣлать!.. Постарайтесь лучше узнать того, кого обвиняете! Онъ совсѣмъ не таковъ, какимъ вамъ кажется!.. Когда вы узнаете, что, не будь его, я давно погибла-бы для васъ, тогда вамъ покажется менѣе страннымъ, что я полюбила его. Да, это онъ вытащилъ меня изъ воды...

Гарпагонъ. Это ничего не значитъ; по моему

лучше бы тебѣ утонуть, чѣмъ ему сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ!

Элиза. Батюшка! Именемъ родительской любви заклинаю васъ...

Гарпагонъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу ничего слушать, пусть правосудіе исполнить свой долгъ!

Жакъ (*въ сторону*). Поплатишься ты мнѣ за свои побои!

Фрозина (*въ сторону*). Вотъ странная путаница!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Ансельмъ, Гарпагонъ, Элиза, Маріанна, Фрозина, Валеръ, Коммисаръ, Жакъ.

Ансельмъ. Что съ вами, господинъ Гарпагонъ? Вы очень разстроены?..

Гарпагонъ. Да, господинъ Ансельмъ. Вы видите несчастнѣйшаго изъ смертныхъ! Вотъ какая у насъ тревога и суматоха... въ ту минуту, когда приходится подписывать вашъ контрактъ! Погубили у меня все,— и имущество, и честь! Вотъ онъ! Вотъ извергъ, разбойникъ, нарушившій самыя священныя права!.. Онъ втерся въ мой домъ подъ видомъ слуги, чтобъ украсть у меня деньги и обольстить мою дочь!

Валеръ. Да кто думаетъ о вашихъ деньгахъ, скажите?.. что за чепуху вы городите?

Гарпагонъ. Да, они общали другъ другу

повѣнчаться! Это оскорбленіе касается и васъ, Ансельмъ; вы тоже должны начать съ нимъ процессъ и, на свой счетъ, преслѣдовать его именемъ закона, чтобъ наказать за такую наглость.

Ансельмъ. Я нисколько не желаю жениться насильно и не хочу брать то сердце, которое уже любить другаго. Но, изъ участія къ вамъ, готовъ приняться за это дѣло, какъ за свое собственное.

Гарпагонъ. Вотъ здѣсь господинъ комиссаръ,—онъ очень честный человѣкъ и, по его словамъ, сдѣлаетъ все, чего требуетъ его обязанность. (*Коммиссару, показывая на Валера*). Напишите обвиненіе хорошенько и постарайтесь выставить его въ самомъ преступномъ видѣ.

Валеръ. Не вижу, какое преступленіе — любовь къ вашей дочери; что-же касается до наказанія, которому, по вашимъ словамъ, я могу быть преданъ только потому, что мы взаимно поклялись въ любви,—то, когда узнаютъ мое настоящее имя...

Гарпагонъ. Разсказывай, разсказывай сказки!.. Нынче всякій мошенникъ лѣзетъ въ знать, всякій самозванецъ, пользуясь неизвѣстностью происхожденія, нахально присвоиваетъ первое попавшееся знатное имя и смѣетъ выдавать его за свое!..

Валеръ. Знайте, что я слишкомъ честенъ, чтобъ пользоваться чужимъ добромъ: весь Неаполь знаетъ о моемъ происхожденіи.

Ансельмъ. Осторожнѣе!.. Вы рискуете больше чѣмъ полагаете. Вы говорите въ присутствіи чело-

вѣка, которому знакомъ весь Неаполь и который сейчасъ-же можетъ вывести васъ на чистую воду.

Валеръ (*гордо надѣвая шляпу*). Я не боюсь ничего, и если вамъ знакомъ такъ хорошо Неаполь, то вы, безъ сомнѣнія, знаете, кто былъ донъ Томасъ д'Альбурчи?

Ансельмъ. Еще-бы! Даже мало людей были знакомы съ нимъ болѣе меня.

Гарпагонъ. Никакаго рѣшительно нѣтъ мнѣ дѣла ни до дона Томаса, ни до Альбурчи!.. (*Видя, что зажжены два свѣчи, тушитъ одну изъ нихъ*).

Ансельмъ. Позвольте, пусть говоритъ; мы слушаемъ, что онъ скажетъ.

Валеръ. Я хочу сказать, что онъ мой отецъ.

Ансельмъ. Онъ?

Валеръ. Да.

Ансельмъ. Перестаньте шутить! Выдумайте какуюнибудь другую исторію,—получше и правдоподобнѣе! Не надѣйтесь спастись этимъ обманомъ

Валеръ. Говорите сами учтивѣе!.. Это не обманъ, и я могу доказательствами подтвердить свои слова.

Ансельмъ. Какъ! Вы смѣете называться сыномъ дона Томаса д'Альбурчи?

Валеръ. Смѣю, и готовъ отстаивать эту истину предъ кѣмъ-бы то ни было!

Ансельмъ. Непостижимая наглость! Узнайте-же, къ стыду своему, что человѣкъ, о которомъ вы говорите, погибъ, — лѣтъ шестнадцать тому

назадъ,—въ морѣ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, съ которыми уѣхалъ, желая ихъ спасти отъ безчеловѣчныхъ преслѣдованій, сопровождавшихъ разные безпорядки въ неаполитанскомъ королевствѣ, и заставившихъ бѣжать многія знатныя семейства.

Валеръ. Да; но узнайте, также къ вашему стыду, что его семилѣтній сынъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ его слугъ, былъ спасенъ, во время кораблекрушенія, испанскимъ кораблемъ, и этотъ спасенный сынъ говоритъ теперь съ вами. Узнайте, что капитанъ этого корабля, тронутый моимъ бѣдственнымъ положеніемъ, полюбилъ меня, воспиталъ какъ своего сына и отдалъ въ военную службу, какъ только я научился владѣть оружіемъ... Недавно я узналъ, что отецъ мой не погибъ, вопреки моимъ предположеніямъ. По счастливому случаю, въ то самое время, когда я проѣзжалъ черезъ этотъ городъ, розыскивая отца, мнѣ удалось увидѣть прелестную Элизу; ея красота покорила меня, а моя страсть и строгое обхожденіе ея отца заставили меня рѣшиться войти подъ чужимъ именемъ въ ихъ домъ и послать другаго розыскивать моихъ родителей.

Ансельмъ. Но, кромѣ вашихъ собственныхъ словъ, что можетъ поручиться мнѣ въ томъ, что все это не сказка, основанная вами на дѣйствительномъ фактѣ?

Валеръ. Что можетъ поручиться?... Испанскій капитанъ, печать съ рубиномъ, принадлежавшая

моему отцу, агатовый браслетъ, надѣтый мнѣ матерью на руку, старый слуга Педро, спасшійся вмѣстѣ со мною отъ кораблекрушенія.

МАРІАННА. Ахъ! Слыша эти слова, и я могу сказать, что вы говорите правду... Все, что вы сказали, ясно доказываетъ, что вы мой братъ.

ВАЛЕРЬ. Какъ! Вы—сестра моя?..

МАРІАННА. Да. Съ вашихъ первыхъ словъ, мое сердце забилося!.. Матушка наша, которую вы приведете въ восторгъ, столько разъ мнѣ рассказывала о бѣдствіяхъ нашего семейства! Небо насъ сохранило отъ гибели также, какъ и васъ; но жизнь мы купили цѣною свободы: насъ взяли въ плѣнъ корсары, въ то время, когда мы держались на обломкахъ корабля. Послѣ десятилѣтней неволи, счастливая судьба даровала намъ свободу, и мы возвратились въ Неаполь, гдѣ узнали, что все наше имущество продано и гдѣ мы не могли получить никакихъ извѣстій о судьбѣ нашего отца. Мы отправились въ Генуу, гдѣ моя мать собрала кое какіе остатки разореннаго имущества, а оттуда, скрываясь отъ варварской несправедливости родныхъ, бѣжала сюда и томится здѣсь въ горести и лишеніяхъ.

АНСЕЛЬМЪ. Боже всемогущій! Вотъ доказательства Твоего всемогущества! Только Тебѣ одному доступны чудеса!.. Обнимите меня, милыя дѣти, присоедините вашу радость къ моей!

ВАЛЕРЬ. Вы — нашъ отецъ!..

МАРІА ННА. Такъ это васъ моя мать такъ долго отыскивала?

АНСЕЛЬМЪ. Да, дочь моя, да сынъ мой!.. Я донъ Томасъ д'Альбурчи. Небо спасло меня отъ гибели и сохранило все мое достояніе. Цѣлыя шестнадцать лѣтъ думалъ я, что васъ нѣтъ на свѣтѣ и, наконецъ, рѣшился соединить свою судьбу съ кроткой и благоразумной дѣвушкой, которая утѣшила-бы меня семейнымъ счастіемъ за претерпѣнное горе! Такъ какъ моя жизнь подвергалась опасности въ Неаполѣ, то я долженъ былъ навсегда его покинуть. Найдя возможность продать все, что у меня оставалось, я поселился здѣсь и, подъ именемъ Ансельма, стремился забыть всѣ горести, неразлучныя съ моимъ прежнимъ именемъ, которое причинило мнѣ столько бѣдствій!

ГАРПАГОНЪ (*Ансельму*). Значить, онъ вашъ сынъ?

АНСЕЛЬМЪ. Да.

ГАРПАГОНЪ. Ну, такъ вы заплатите мнѣ десять тысячъ экю, которые онъ у меня укралъ.

АНСЕЛЬМЪ. Онъ у васъ укралъ?..

ГАРПАГОНЪ. Ояъ.

ВАЛЕРЪ. Да кто вамъ это сказалъ?

ГАРПАГОНЪ. Жакъ.

ВАЛЕРЪ (*Жаку*). Это ты говоришь?

ЖАКЪ. Вы видите, что я ничего не говорю.

ВАЛЕРЪ. Неужели вы думаете, что я способенъ на такой подлый поступокъ?

Гарпагонъ. Способенъ или не способенъ, но я хочу, чтобы мнѣ отдали мои деньги.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гарпагонъ, Ансельмъ, Элиза. Маріанна, Клеантъ, Валеръ, Фрозина, Коммисаръ, Жакъ, Лафлешъ.

Клеантъ. Батюшка, не беспокойтесь и не обвиняйте никого! Я имѣю извѣстіе о воровствѣ, и пришелъ сказать вамъ, что если вы рѣшитесь согласиться на мою свадьбу съ Маріанной, то получите деньги сполна.

Гарпагонъ. Гдѣ онѣ?

Клеантъ. Прошу васъ, не тревожьтесь! Онѣ въ надежномъ мѣстѣ; все зависитъ отъ меня одного. Вамъ только стоить сказать, на что вы рѣшились; отъ васъ зависитъ выборъ — или отдать мнѣ Маріанну, или потерять вашу шкатулку.

Гарпагонъ. Оттуда ничего не взято?

Клеантъ. Ничего рѣшительно. Подумайте сами: согласны-ли вы на этотъ бракъ, согласны-ли исполнить желаніе матери Маріанны, которая предоставила ей выборъ между мною и вами?

Маріанна. Но знаете-ли вы, что ея согласія не довольно и что Провидѣніе (*показывая на Валера*), вмѣстѣ съ братомъ, который здѣсь передъ вами, возвратили мнѣ отца (*показывая на Ансельма*), отъ котораго зависитъ нашъ бракъ?

Ансельмъ. Милыя дѣти! Я не смѣю противиться волѣ Провидѣнія! Вы понимаете сами, г. Гарпагонъ, что молодая дѣвушка скорѣе выберетъ сына, чѣмъ отца. Не говорите того, чего не слѣдуетъ намъ слышать, и согласитесь, вмѣстѣ со мной, на этотъ двойной бракъ.

Гарпагонъ. Прежде, чѣмъ рѣшиться, мнѣ надо увидѣть мою шкатулку.

Клеантъ. Вы ее увидите цѣлой и невредимой.

Гарпагонъ. Я не могу дать дѣтямъ приданого!

Ансельмъ. И не надо! У меня станеть на всѣхъ, не беспокойтесь!

Гарпагонъ. И вы общаетесь взять на себя расходы по этимъ обѣимъ свадьбамъ?

Ансельмъ. Обѣщаю. Довольно съ васъ?..

Гарпагонъ. Да; но съ тѣмъ, чтобы къ свадьбѣ мнѣ сшили новое платье.

Ансельмъ. Согласенъ и на это. А теперь пойдете насладиться всѣми радостями, которыя принесъ намъ этотъ счастливый день!

Коммисаръ. Позвольте, господа, позвольте! А кто же заплатитъ мнѣ за всѣ труды?

Гарпагонъ. Какой намъ въ нихъ прокъ?..

Коммисаръ. Да, но вѣдь я не даромъ-же трудился!..

Гарпагонъ (*показывая на Жака*). Ну, такъ возьмите этого молодца и повѣсьте его, за всѣ ваши труды!

Жакъ. Господи! что-же послѣ этого дѣлать?..
За правду бьютъ, а за ложь хотятъ повѣсить!..

Ансельмъ. Простите ему этотъ обманъ, господинъ Гарпагонъ.

Гарпагонъ. Такъ вы заплатите комиссару?

Ансельмъ. Заплачу, заплачу!.. Идемъ скорѣе раздѣлить радость съ вашею матушкой!..

Гарпагонъ. А я пойду, полюбуюсь на свою любезную шкатулку.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Удивительно нужно тратить деньги на парики. — Въ то время мужчины большого свѣта не ходили въ собственныхъ волосахъ, а украшали головы париками. Впослѣдствіи, именно при Людовикѣ XV, парики эти носились напудренные.

2) Сцена эта, и именно перечень вещей, даваемыхъ заимодавцемъ, заимствована въ нѣкоторыхъ подробностяхъ изъ комедіи Буаробера „La Belle Plaideuse“ (Красавица-Истица), поставленной на сцену въ 1654 г. Въ ней слуга знатнаго молодого барина также нашелъ для него ростовщика, который также предлагаетъ дать взаймы не деньгами, а вещами. „Онъ говоритъ—разсказываетъ барину слуга—что ожидаетъ прибытія своего корабля съ Зеленаго мыса, и доплатитъ вамъ обезьянами, превосходными попугаями, дюжиною большихъ пушекъ“ и т. д.

3) Подобно ему (Панюргу) вы забираете деньги впередъ—и т. д.—Панюргъ—дѣйствующее лице въ знаменитомъ произведеніи Рабле (XV в.): „Гаргантюа“. Слова Мольера приведены изъ Рабле буквально; этотъ послѣдній, между прочимъ, характеризуетъ Панюрга такъ: „Онъ рубить лѣсъ, сожигаетъ толстые пни, чтобъ продавать золу, забираетъ деньги впередъ, покупаетъ дорого, продаетъ дешево и сѣдаетъ свой хлѣбъ на корню“.

4) Эта сцена также заимствована изъ вышеупомянутой (въ примѣч. 2-мъ) комедіи Буаробера. Тамъ тоже ростовщикъ, отысканный маклеромъ для молодаго кутилы, оказывается отцемъ этого послѣдняго, и между ними происходитъ перебранка, похожая во многихъ выраженіяхъ на Мольеровскую.

(5) У Мольера Фрозина называется „femme d'intrigue“, т. е. женщина, устраивающая разные ловкія сдѣлки. Мы называли ее (см. перечень дѣйствующихъ лицъ) свахой, такъ какъ въ „Скупомъ“ она является именно въ этомъ качествѣ и такъ какъ въ русскомъ языкѣ для „femme d'intrigue“ нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія.

(6) Я васъ ссужаю совѣтомъ.—Въ подлинникѣ, Лафлешъ объясняетъ, что Гарпагонъ никогда не говоритъ „je vous donne le bonjour“, а „je vous prête le bonjour“ — по невозможности перевести эту остроумную фразу въ точности, пришлось замѣнить bonjour, т. е. „здравствуйте“, словомъ *советъ*.

(7) Разговоръ о линіи жизни на рукѣ заимствованъ изъ итальянской комедіи Аріосто „Suppositi“. У Аріосто онъ веденъ слѣдующимъ образомъ, очень похожимъ, какъ видитъ читатель, на Мольеровскую сцену: Пазифиль. Развѣ вы не молоды?—Клеандръ. Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ.—Пазифиль. Я васъ считалъ десятью годами моложе. Съ виду вамъ тридцать восемь, никакъ не больше.—Клеандръ. Однакомъ мнѣ скоро стукнетъ пятьдесятъ.—Пазифиль. Вы очень хорошо сохранились и, глядя на васъ, подумаешь, что вы проживете по крайней мѣрѣ сто лѣтъ; покажите-ко мнѣ вашу руку.—Клеандръ. Развѣ вы знатокъ въ хиромантіи?—Пазифиль. Большой. Покажите пожалуйста руку. О, какая чудесная линія жизни! Я никогда еще не видѣлъ такой длинной!

(8) Какъ вы думаете, кого онѣ изображаютъ...сидящаго на плечахъ своего сына.—Адонисъ — богъ солнца и, въ то же время, символъ молодости и красоты; Парисъ — сынъ троянскаго царя Пріама, славившійся красотой, которая помогла ему увести Елену, дочь спартанскаго царя Менелая, что было причиною троянской войны; Апполонъ—богъ свѣта и пѣснопѣнія, изображаемый какъ идеаль мужской красоты; Сатурнъ—богъ времени, изображаемый въ видѣ старика съ косою; Пріамъ — пре-

старѣлый троянскій царь; Несторъ — пилосскій царь, принимавшій участіе въ троянской войнѣ; имя его употребляется въ значеніи многоопытнаго старца; Анхизъ — отецъ Энея, вынесшаго его на плечахъ изъ горящей Трои.

(⁹) Надо ѣсть, чтобъ жить, а не жить, чтобъ ѣсть — древнее латинское изреченіе: „*Edere ut vivas ne vivas ut edas*“.

(¹⁰) Мысль этой всей тирады заимствована изъ упомянутой въ примѣч. 7-мъ комедіи Аріоста. Только тамъ она гораздо меньше объемиста.

(¹¹) Онъ имѣетъ право меня бить. — Палки и побои вообще считались въ то время дѣломъ весьма обыкновеннымъ; колотили не только слугъ, но и такихъ людей, какъ литераторы, актеры и т. п.

(¹²) Въ старомъ итальянскомъ фарсѣ „Арлекинъ, ограбливающій дома“ Скапинъ указываетъ Фламиніи на брильянтовый перстень, находящійся на пальцѣ у Панталона. Фламинія хвалитъ перстень, и Скапинъ отдаетъ его ей, увѣряя, что это подарокъ отъ Пантало на. По всей вѣроятности Мольеръ свою сцену съ перстнемъ заимствовалъ отсюда.

(¹³) Повтореніе сцены 1-го дѣйствія, въ которой Гарпагонъ дѣлаетъ Валера судьей между собою и дочерью.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ.

Комедія „Скупой“ была написана и представлена въ 1668 г. Подобно тому, какъ въ другихъ своихъ пьесахъ и, скажемъ кстати, подобно тому, какъ это часто дѣлалъ Шекспиръ, — Мольеръ заимствовалъ сюжетъ и, какъ увидимъ ниже, даже нѣкоторыя подробности, изъ пьесы римскаго драматурга Плавта: „Aulularia“ (aulula уменьшительное отъ aula — котель; aulularia — какъ-бы „комедія съ котелкомъ“). У Плавта дѣйствіе заключается въ слѣдующемъ: Старый и бѣдный аѳинянинъ, Эвклионъ, нашелъ у себя въ саду котелокъ, полный золотомъ; скупость, бывшая и безъ того у него въ характерѣ, еще болѣе усилилась этимъ обстоятельствомъ: на котелкѣ сосредоточились всѣ его мысли и чувства; онъ только объ одномъ и думаетъ, только одного и боится, — какъ-бы не украли у него эту драгоценность; онъ то и дѣло переноситъ ее съ мѣста на мѣсто, закапывая и пряча то тутъ, то тамъ; онъ подозрителенъ до послѣдней степени, видя во всякомъ

человѣкъ, говорящемъ съ нимъ, подходящемъ къ нему, посягателя на его собственность. У Эвкліона есть дочь Федра, которую любитъ и на которой хочетъ жениться молодой человѣкъ Ликонидъ; но онъ медлитъ объясненіемъ съ отцемъ ея, а между тѣмъ его-же дядя, богатый старикъ Мегадоръ, проситъ у Эвкліона руки его дочери. Эвкліонъ сначала колеблется, думая, что Мегадору нужны только его деньги; но потомъ соглашается. Между тѣмъ Стробиль, лакей Ликонида, подслушалъ одинъ изъ монологовъ Эвкліона и узналъ, такимъ образомъ, какъ о существованіи завѣтнаго котелка, такъ и о томъ, что старый скряга, перенося, какъ мы выше замѣтили, эту посудину съ мѣста на мѣсто, спряталъ ее, наконецъ, въ храмъ Вѣрности, находящемся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его дома. Воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ Эвкліона, Стробиль крадетъ котелокъ. Отчаяніе Эвкліона не имѣетъ границъ, а тутъ еще Ликонидъ, видя, что свадьба Федры съ Мегадоромъ готова совершиться, спѣшитъ открыться отцу дѣвушки, объявляя, что и Федра его любитъ и хочетъ, во что бы то ни стало, сдѣлаться его женою. „Всѣ несчастья разомъ обрушились на меня“! восклицаетъ Эвкліонъ, — и на этомъ, послѣ начала сцены между Стробиломъ и Ликонидомъ, въ которой первый рассказываетъ второму о похищеніи котелка, — обрывается текстъ, дошедшій до насъ отъ Плавта. Остальное потеряно, и конецъ придѣланъ уже въ началѣ XVI ст. итальянскимъ ученымъ Котромъ Урцеемъ. Это окончаніе — самаго обыденнаго, дюжиннаго свойства: Стробиль соглашается отдать котелокъ своему барину только на томъ условіи, чтобы

получить свободу, сдѣлаться вольноотпущенникомъ; Ликонидъ, послѣ энергическаго противодѣйствія, принимаетъ это условіе и, сдѣлавшись обладателемъ украденнаго сокровища, передаетъ его Эвкліону, а тотъ, въ награду за такой великодушный поступокъ, отдаетъ ему руку дочери и, въ добавокъ, весь котелокъ съ золотомъ въ видѣ приданаго. „Зрители!—такъ заканчиваетъ пьесу Стробиль—скряга Эвкліонъ измѣнилъ свою натуру; онъ вдругъ сдѣлался щедрымъ“.

Изъ этого краткаго изложенія читатели уже могутъ ясно видѣть, въ чемъ заключается сходство и, въ тоже время, различіе, между латинскою и французскою комедіею. Мы еще вернемся къ этому предмету, а теперь укажемъ на тѣ частности, которыя, какъ сказано выше, Мольеръ заимствовалъ въ латинскомъ подлинникѣ; (замѣтимъ тутъ-же, что заимствованія эти французскій комикъ дѣлалъ только у Плавта;—у Кодра Урцея онъ не взялъ ничего, кромѣ имени главнаго дѣйствующаго лица. „Нашъ вѣкъ—говоритъ Урцеевскій Стробиль—представляетъ намъ примѣры многихъ скупыхъ господъ, которыхъ я называю *Гарпагонами*, *Гарпіями*, *Танталами*...“).

Эвкліонъ Плавта также возится съ своимъ котелкомъ, какъ Мольеровскій Гарпагонъ—съ своей шкатулкой; заставляя Гарпагона дѣлать неоднократные визиты своей шкатулкѣ, Мольеръ подражаетъ латинскому комику. Точно также онъ почти буквально держится его, когда въ 3-мъ явленіи 1-го дѣйствія представляетъ намъ Гарпагона обыскивающимъ Лафлеша; у Плавта эта сцена представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Эвкліонъ встрѣчаетъ у себя въ домѣ Стробила, раба

Ликонида; между ними происходит слѣдующій разговоръ:

Эвкліонъ. Вонъ отсюда, мерзкій червякъ, выползшій изъ своей норы... Погоди, погоди, вотъ я тебя отдѣлаю по своему.

Стробилъ. Чего вы бѣситесь? Что у меня общаго съ вами, старикъ? Изъ-за чего вы меня толкаете, изъ-за чего теребите, изъ-за чего бьете?

Эвкліонъ. И ты еще спрашиваешь, висѣльникъ, воръ и трижды воръ?

Стробилъ. Что я у васъ укралъ?

Эвкліонъ. Отдай—и поскорѣе.

Стробилъ. Отдать—что?

Эвкліонъ. Тебѣ еще нужно объяснять, что?

Стробилъ. Я у васъ не взялъ ничего.

Эвкліонъ. Отдай, отдай то, что ты укралъ. Ну?

Стробилъ. Ну?

Эвкліонъ. Ты не смѣешь унести...

Стробилъ. Да чего вамъ надобно?

Эвкліонъ. Довольно шутить; мнѣ не до шутокъ..
Клади сюда...

Стробилъ. Да что такое положить, наконецъ? Называйте вещи по имени. Ничего я у васъ не бралъ, ни къ чему не прикасался.

Эвкліонъ. Покажи мнѣ свои руки.

Стробилъ. Вотъ онѣ.

Эвкліонъ. Ну, показывай-же.

Стробилъ. Да вотъ-же обѣ!

Эвкліонъ. Третью!

Стробилъ. Онъ совсѣмъ помѣшался...

Эвкліонъ. Если ты не сознаешься, пойдешь на висѣлицу.

Стробилъ. Въ чемъ сознаться?

Эвкліонъ. Что ты унесъ отсюда?

Стробилъ. Да казнять меня боги, если я тронулъ хоть что нибудь, вамъ принадлежащее... (*въ сторону*) и если не хотѣлъ тронуть.

Эвкліонъ. Отряхни свой плащъ.

Стробилъ. Трясите сколько угодно.

Эвкліонъ. Подъ твоей туникой нѣтъ ничего?

Стробилъ. Пошупайте.—И такъ далѣе *).

Точно также, Гарпагонъ выгоняетъ Лафлеша почти въ такихъ-же выраженіяхъ, въ какихъ Эвкліонъ прогоняетъ свою служанку Стафилу. „Вонъ отсюда! — кричитъ онъ ей — вонъ отсюда! Проваливай скорѣе, проклятая шпіонка!—За что вы меня выгоняете? спрашиваетъ Стафила. — Ты еще смѣешь спрашивать о причинѣ, мерзавка? — кричитъ скряга; — вонъ, говорятъ тебѣ!“

Знаменитая сцена послѣ покражи Гарпагоновской шкатулки кажется почти переведенною съ латинскаго. Эвкліонъ, узнавъ о своемъ несчастіи, кричитъ: «Я погибъ! Умеръ! Убитъ! Куда бѣжать? Куда не бѣжать? Остановите, остановите! Кого? Я не знаю, я ничего не вижу, я ослѣпъ; не могу сообразить, гдѣ я, кто я... Умоляю, заклинаю—сжальтесь, помогите мнѣ, укажите человѣка, который обокралъ меня... Послушайте,

*) Мы не приводимъ какъ здѣсь, такъ и ниже, соотвѣтственныхъ сценъ изъ „Скупаго“, отсылая къ нимъ читателя настоящей книги.

вы, сидящіе здѣсь въ вашихъ бѣлыхъ одеждахъ,— скажите!.. Вѣдь вы съ виду честные люди... Что ты говоришь? Я готовъ тебѣ повѣрить, ты, кажется, честный человѣкъ... А? Что? Вы смѣтаетесь... О, я знаю васъ всѣхъ, я знаю, что здѣсь много воровъ... Что вы говорите? Не знаете? Вы убиваете меня!.. Ну, говорите-же, кто взялъ?.. Никто?.. Ахъ, я несчастный, несчастный! Меня зарѣзали, погубили безвозвратно... Страшный день, принесшій мнѣ слезы, черную печаль, голодъ, нищету!.. Есть-ли на свѣтѣ существо несчастнѣе меня?.. Что остается мнѣ дѣлать на свѣтѣ послѣ потери золота, которое я хранилъ такъ старательно? Я лишалъ себя необходимаго, я отказывалъ себѣ въ малѣйшемъ удовольствіи, — и вотъ теперь другіе наслаждаются моимъ разореніемъ и моею гибелью!..»

Между Эвкліономъ и Ликонидомъ происходитъ, послѣ покражи котелка, такая-же сцена недоразумѣнія, какую мы видимъ между Гарпагономъ и Валеромъ. Ликонидъ говоритъ Эвкліону о дочери этого послѣдняго, старикъ думаетъ, что рѣчь идетъ о котелкѣ. Вотъ эта сцена:

Ликонидъ. Это я виновникъ вашей печали.

Эвкліонъ. Что я слышу?

Ликонидъ. Сущую правду.

Эвкліонъ. Что-же я вамъ сдѣлалъ дурнаго, молодой человѣкъ? За что вы губите меня и моихъ дѣтей?

Ликонидъ. Вините въ этомъ одного изъ боговъ, увлекшаго меня.

Эвкліонъ. Что вы говорите?

Ликонидъ. Сознаюсь, что я виноватъ, и знаю, что

заслужилъ наказаніе. Потому-то и умоляю васъ простить меня.

Эвклионъ. Какъ-же вы осмѣлились посягнуть на то, что не принадлежитъ вамъ?

Ликонидъ. Что-же дѣлать? Проступокъ совершенъ. Того, что сдѣлано, не уничтожишь. Вѣроятно, такъ хотѣли боги. Безъ ихъ воли, этого не случилось-бы.

Эвклионъ. Кто вамъ позволилъ тронуть мою собственность безъ моего позволенія?

Ликонидъ. Вино и любовь помutilи мой умъ...

Въ такомъ родѣ продолжается вся сцена. На остальные, болѣе мелкія, частности мы не указываемъ. Изъ нашихъ примѣчаній къ «Скупому» читатели познакомились съ заимствованіями, сдѣланными Мольеромъ въ этой пьесѣ, и изъ нѣкоторыхъ другихъ пьесъ.

Такимъ образомъ, самую мысль своей комедіи Мольеръ заимствовалъ у Плавта. Но дѣло не столько въ самой мысли, сколько въ разработкѣ ея. У Плавта скупой обрисованъ только самыми бѣглыми чертами; Мольеръ изобразилъ скупость во всѣхъ ея проявленіяхъ—въ отношеніи къ дѣтямъ, знакомымъ, дѣвушкамъ, на которой онъ хочетъ жениться, прислугѣ; усложненіемъ положеній, въ которыхъ находится главное дѣйствующее лице, французскій драматургъ придалъ тоже дѣйствію драматизмъ—свойство, котораго совершенно лишено произведеніе драматурга латинскаго. „Съ какою силою,—говоритъ одинъ французскій критикъ,—съ какою вѣрностью кисть Мольера рисуетъ этого скупого, чуждающагося своего семейства, видящаго враговъ въ своихъ дѣтяхъ, которыхъ онъ боится, и которыя не менѣе боятся его,—сосредоточивающаго всѣ свои при-

вязанности въ шкатулкѣ, — между тѣмъ какъ его сынъ разоряется лихвенными процентами, а дочь сводитъ интригу, въ его же домѣ и тайкомъ отъ него, съ чело-вѣкомъ, котораго она любитъ! Скупой рѣшительно не знаетъ, что происходитъ въ его семействѣ, что дѣлають его дѣти; онъ съ точностью знаетъ только счетъ своимъ червонцамъ; это единственная вещь, интересующая его, это единственный предметъ его заботъ, деньги замѣняютъ ему дѣтей, родственниковъ и друзей. Такова мораль, извлѣкаемая изъ удивитель-ной комедіи Мольера; и если есть картина, способная возбудить ненависть и презрѣніе къ скупости, то это, конечно, та, которую рисуетъ намъ онъ...“

Большое преимущество скупаго Мольеровскаго передъ скупымъ Плавтовскимъ состоитъ еще въ томъ, что пер-вый—человѣкъ богатый, второй—бѣдный, у котораго этотъ найденный котелокъ составляетъ, дѣйствительно, все состояніе; по поводу этого обстоятельства, извѣстный критикъ, Ла-Гарпъ, дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: „У Плавта Эвкліонъ безпрестанно повто-ряетъ, что онъ бѣденъ, — и это очень хорошо; но Гарпагонъ говоритъ тоже самое,—и это выходитъ еще лучше, потому что мы знаемъ, что онъ говоритъ не-правду. Эвкліонъ—человѣкъ бѣдный и находится почти въ такомъ-же положеніи, какъ извѣстный сапожникъ въ баснѣ, которому сто червонцевъ совсѣмъ вскружили голову: онъ нашелъ горшокъ съ золотомъ, зарытый его дѣдомъ въ саду. Въ „Скупомъ“ Мольера, богатство не найдено, а собрано самимъ обладателемъ его, что гораздо важнѣе; притомъ, Гарпагонъ богатъ и извѣ-

стенъ за богача, что дѣлаетъ его скупость болѣе ненавистною и менѣе извинительною.“

Гарпагономъ Мольеръ создалъ безсмертный типъ, который послѣ него разрабатывался еще многими писателями; имя Гарпагона сдѣлалось нарицательнымъ именемъ, и мы готовы не считать вымышленнымъ рассказъ о томъ скупомъ, который, увидѣвъ пьесу Мольера, будто-бы сказалъ, что «изъ этого произведенія можно извлечь большую пользу и что въ немъ можно научиться отличнымъ правиламъ экономіи»; — лучше охарактеризовать *правду*, съ которою изображенъ этотъ типъ, (не смотря на нѣкоторыя карикатурныя подробности), невозможно.

Закончимъ эти замѣчанія указаніемъ на то, что, придавая своему созданію значеніе общечеловѣческое, авторъ снабдилъ его и характеромъ современности, снабдилъ чертами, присущими Франціи той эпохи. Скупость была однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ пороковъ эпохи Людовика XIV. „Знатные—говорить тотъ самый критикъ, характеристику котораго мы приводили выше—одни только имѣли въ то время привилегію разоряться, тратя безумныя деньги. Средній и низшій классы утѣшались тѣмъ, что обкрадывали государство и знатныхъ и, чтобы скрывать свое воровство, старались запрятывать свои богатства какъ можно подальше и какъ можно старательнѣе.“ Кромѣ этой общей современной черты, находимъ другія и болѣе частныя, каковы, напримѣръ въ 7-мъ явленіи 1-го дѣйствія и 5-мъ явленіи 5-го дѣйствія, выходки противъ самозванцевъ-аристократовъ, наполнявшихъ тогдашнее общество.

ЖАНЪ ПОКЛЕНЪ ДЕ-МОЛЬЕРЪ.

(Біографическій Очеркъ).

Въ біографіи Шекспира, находящейся во 2-мъ выпускѣ нашего изданія, мы упоминали, что отъ великаго англійскаго драматурга не осталось ни единой строки, писанной его собственною рукою, — ни одного изъ тѣхъ документовъ, которые имѣютъ громадную важность для біографа; — мы говорили также, что многія изъ свѣдѣній, сообщавшихся о Шекспирѣ посторонними лицами, были больше легендарнаго, чѣмъ достовѣрно-фактическаго свойства. Точно такое же явленіе повторилось и съ знаменитымъ французскимъ драматургомъ, одна изъ лучшихъ комедій котораго представляется читателямъ въ настоящемъ выпускѣ. «Жизнь Мольера — говоритъ одинъ французскій писатель — отличается тою двойною странностью, что послѣ него не осталось ни одной собственноручной строки его, что ни одинъ изъ его современниковъ и друзей не собралъ и не сообщилъ ничего о его личности, и что первое сочиненіе, въ которомъ было нѣчто похожее на біографію знаменитаго писателя, народнаго комика, появилось въ 1705 г., т. е. черезъ тридцать

два года послѣ его смерти...» Вслѣдствіе этого, позднѣйшимъ біографамъ стоило большаго труда отдѣлить правду отъ вымысла, наполнить пробѣлы новыми розысками и т. п. На основаніи всѣхъ этихъ новыхъ изслѣдованій, которымъ французскіе критики и ученые предавались съ рвеніемъ, достойнымъ великаго драматурга, составлявшаго предметъ ихъ изученія,—біографія Мольера въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Настоящая фамилія его Покленъ, а фамилія Мольера принята имъ какъ бы литературный псевдонимъ, и потомъ такъ и осталась за нимъ. Отецъ его, тоже Жанъ Покленъ, былъ зажиточный парижскій обойщикъ. Будущій авторъ «Скупаго» родился въ январѣ 1622 г., и о первыхъ годахъ его дѣтства мы не знаемъ ничего; извѣстно только, что онъ лишился матери, будучи десятилѣтнимъ мальчикомъ и что у него были въ это время два брата и одна сестра. Мальчикъ росъ, окруженный всѣмъ житейскимъ комфортомъ, благодаря очень хорошему состоянію его отца; но, по свидѣтельству нѣкоторыхъ біографовъ, этотъ отецъ былъ человѣкъ ограниченный и крутой, дѣлавшій все для подавленія умственнаго развитія своего сына: достаточно сказать, что онъ не хотѣлъ, чтобы этотъ послѣдній учился чему нибудь, кромѣ чтенія, письма и первыхъ правилъ ариѳметики. Къ счастью, по свидѣтельствамъ тѣхъ же біографовъ, дѣдъ ребенка, любившій театръ, часто водилъ своего внука на сценическія представленія, гдѣ и возникла въ немъ страсть къ сценѣ. Но эти свѣдѣнія не подтверждаются несомнѣнными доказательствами; гораздо достовѣрнѣе то, что онъ окон-

чилъ курсъ въ Клермонтской коллегіи въ Парижѣ и получилъ хорошее классическое образованіе, что не помѣшало его отцу исходатайствовать для него званіе «обойщика при королѣ» (*tapissier ordinaire du roi*), которое онъ самъ получилъ не задолго до того и намѣревался передать сыну послѣ своей смерти. Дѣйстви-тельно-ли будущій драматургъ занимался обойными работами, — въ этомъ біографы спорятъ между собою, хотя есть довольно достовѣрныя указанія, утверди-тельно отвѣчающія на этотъ вопросъ; но, какъ бы то ни было, а въ 1643 г. Мольеръ получилъ отъ своего отца шестьсотъ тридцать ливровъ въ счетъ той доли, которая должна была прійтись ему изъ материнскаго наслѣдства,—и письменно отказался отъ всякихъ при-язнаній на званіе придворнаго обойщика, предоставивъ отцу передать эту привилегію любому изъ остальныхъ своихъ сыновей. Съ этихъ поръ Мольеръ разрываетъ всѣ связи съ преданіями и взглядами своего семейства и идетъ туда, куда влечетъ его неодолимое призваніе.

Здѣсь опять сходство съ біографіей Шекспира. Мольеръ тоже прежде всего дѣлается актеромъ. Отецъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отклонить его отъ этого рѣшенія; никакія просьбы, никакія заманчивыя обѣщанія, никакія ходатайства вліятельныхъ людей—ни-что не помогло. Отецъ и его друзья главнымъ пово-домъ къ своимъ увѣщаніямъ выставляли то униженное положеніе, въ которомъ въ то время находились актеры. Мольеръ съ одной стороны отвѣчалъ на это собствен-ными соображеніями о высокомъ значеніи драматиче-скаго искусства и о нелѣпомъ невѣжествѣ тѣхъ, ко-торые продолжали смотрѣть на актеровъ, какъ на лю-

дей, которыхъ слѣдовало держать не иначе, какъ въ черномъ тѣлѣ, — съ другой, сослался на незадолго до того, именно въ 1641 г., обнародованный королевскій эдиктъ, по которому профессія актера выводилась изъ опальнаго, такъ сказать, состоянія. Какъ ни незначительны были нравственные привилегіи, дававшіяся актерамъ этимъ эдиктомъ, онъ все-таки былъ шагомъ впередъ и, вѣроятно, способствовалъ тому, что къ Мольеру, въ качествѣ актеровъ, примкнули нѣсколько молодыхъ людей изъ порядочныхъ семействъ. Изъ нихъ составила труппа подъ управленіемъ молодаго Поклена. Чтобъ отличить ее отъ другихъ въ глазахъ публики, зараженной предразсудками, онъ далъ ей названіе «Знатнаго Театра» (*Illustre Théâtre*). Но, какъ и слѣдовало ожидать, «знатные» юноши оказались далеко не знатными актерами, и такъ какъ свистки, которыми стала осыпая ихъ публика, прежде всего отражались неблагопріятнымъ образомъ на кошелекъ антрепренера, т. е. Мольера, то онъ поспѣшилъ установить дѣло на болѣе раціональных основаніяхъ. Главное ядро его труппы составили теперь актеры настоящіе, пользовавшіеся болѣе или менѣе значительною репутаціею; прежніе дѣятели, такъ сказать „любители“, остались только какъ второстепенныя лица. Но названіе «Знатнаго Театра» сохранилось и за новою труппою. Директоромъ ея остался по прежнему Мольеръ, пополамъ съ дѣвицею Бежаръ, соединившею свою труппу съ Мольеровскою. Дѣла, однако, не пошли особенно блистательно; главному директору приходилось не разъ закладывать вещи для добыванія денегъ на расходы, даже высиживать по нѣсколько дней въ тюрьмѣ за долги. Дошло

наконецъ до того, что большая часть актеровъ, не получая жалованья, разбрелась,—а Мольеръ — это было въ 1646 г.—съ жалкими остатками своей труппы, отправился искать счастія въ провинціи, въ сопровожденіи семейства Бежаровъ, состоявшаго въ то время изъ трехъ лицъ: одного брата и двухъ сестеръ. О путешествіи его сохранилось весьма мало точныхъ свѣдѣній; достовѣрно только то, что, черезъ два года послѣ своего отъѣзда изъ Парижа, онъ былъ въ Нантѣ, потомъ очутился въ Бордо, гдѣ поставилъ на сцену свою *трагедію* «*Өивайда*», въ Вьеннѣ и, наконецъ, въ Ліонѣ. Это было въ 1653 г. Пребываніе его въ Ліонѣ замѣчательно тѣмъ, что здѣсь была поставлена на сцену первая самостоятельная пьеса Мольера: „Вѣтренникъ“ (*L'Etourdi*); до тѣхъ поръ онъ писалъ только фарсы въ итальянскомъ родѣ и вкусѣ, какъ напр. „Доктора-Соперники“, „Школьный Учитель“, „Влюбленный Докторъ“ и т. п. „Вѣтренникъ“ былъ очень хорошо принятъ публикой; такой же пріемъ имѣла, годъ спустя, вторая капитальная пьеса: „Любовная Досада“ (*Le dépit amoureux*), поставленная на сцену въ Монпелье, гдѣ авторъ находился въ то время съ своею труппою. Странствованія Мольера по провинціи продолжались до 1658 г., когда, благодаря ходатайству принца Конти и герцога Орлеанскаго, ему было разрѣшено пріѣхать въ Парижъ для того, чтобы давать представленія на придворномъ театрѣ. Первое представленіе состоялось 24 октября 1658 г., въ присутствіи Людовика XIV; король остался доволенъ, и съ этихъ поръ судьба Мольера была рѣшена: у него была постоянная труппа

и постоянная сцена; зрителями его были дворъ и знатный классъ Парижа, покровителемъ—самъ король.

Выгоды новаго положенія усилили въ Мольерѣ энергію къ драматической работѣ, и плодомъ этой дѣятельности была, въ 1659 г., комедія „Смѣшныя Жеманницы“ (*Les Précieuses Ridicules*), въ которой онъ въ первый разъ вполне отрѣшился отъ латинскихъ и итальянскихъ традицій, бывшихъ въ то время въ большой модѣ (особенно итальянскія) во Франціи, и пересталъ, по его собственному выраженію, «очищывать» (*éplucher*) Менаандра; «*Précieuses*» представляютъ уже результатъ основательныхъ и мѣткихъ наблюденій поэта надъ современною жизнью, его окружавшею. Въ періодъ съ 1659 по 1665 г. онъ написалъ комедіи: «Сганарель» (*Sganarelle*), «Донъ Гарція» (*Don Garcie*), «Школа Мужей» (*L'Ecole des maris*), «Недовольные» (*Les Fâcheux*), «Школа Женщинъ» (*L'Ecole des femmes*), «Критика Школы Женщинъ» (*La Critique de l'Ecole des femmes*), «Версальскій Экспромтъ» (*L'Impromptu de Versailles*), «Бракъ по принужденію» (*Le Mariage forcé*), «Элидская Принцесса» (*La princesse d'Elide*) и три первыя дѣйствія знаменитаго «Тартюфа». Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ въ настоящее время пришли въ забвеніе, такъ какъ онѣ дѣйствительно лишены художественнаго достоинства; другія и тогда имѣли большой успѣхъ, и теперь занимаютъ мѣсто въ числѣ лучшихъ литературныхъ произведеній.

Въ 1661 г. (9-го марта) умеръ кардиналъ Мазарень, и Людовикъ XIV сдѣлался полновластнымъ и самостоятельнымъ владыкою государства. «Въ первое же время, послѣдовавшее за этимъ вступленіемъ во вла-

дѣніе Францією, — говоритъ одинъ изъ біографовъ Мольера, — обнаружилось со стороны государя, въ отношеніи къ поэту, нѣчто болѣе значительное, чѣмъ обыкновенное и высокомѣрное покровительство, — обнаружилось движеніе привязанности разумной, сознательной... Съ той минуты, какъ эти два человѣка, стоявшіе, по своему общественному положенію, такъ неизмѣримо-далеко другъ отъ друга, одинъ — король, вышедшій изъ подъ опеки, другой — заслуженный актеръ и еще робкій моралистъ, сошлись и поняли одинъ другаго, — между ними установилось нѣчто въ родѣ безмолвной ассоціаціи, позволявшей послѣднему, — поэту, — свободно высказывать свои мысли и обѣщавшей ему защиту и покровительство, подѣ единственнымъ условіемъ — чтить особу перваго, — государя, — и доставлять ему пріятное развлеченіе. Нужно прибавить, что ни одинъ государственный трактатъ, скрѣпленный словомъ монарха, не былъ, можетъ быть, выполненъ съ такою точностью, какъ этотъ безмолвный договоръ; никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ драматургъ не видѣлъ себя лишеннымъ покровительства и защиты государя. Тѣ біографы просто смѣются надъ нами, которые ставятъ Мольера въ число мыслителей, страдавшихъ въ свое время отъ правительственныхъ преслѣдованій. Напротивъ того, рѣдкій писатель шелъ къ своей цѣли такъ прямо, какъ это дѣлалъ Мольеръ, и въ тоже время встрѣчалъ на своей дорогѣ такъ мало препятствій...»

Въ концѣ 1661 г., Мольеръ, хотя отецъ его былъ въ это время еще живъ, принялъ, по смерти своего брата титулъ „королевскаго камердинера“, безъ прибавленія однако званія „обойщика“. Въ 1662 г., онъ, будучи уже со-

рока лѣтъ отъ роду, женился на дѣвицѣ Бежаръ, незаконной дочери той самой Мадлены Бежаръ, съ которою Мольеръ началъ свое сценическое поприще; женѣ его было всего семнадцать лѣтъ, и эта разность въ возрастѣ, въ соединеніи съ легкомысленностью и вѣтренностью молодой г-жи Мольеръ, была причиною того, что въ семейной своей жизни онъ былъ очень несчастливъ. Ничто не могло утѣшить его въ этомъ несчастіи, потому что, не смотря на дурные поступки жены, онъ всетаки продолжалъ сильно любить ее: ни ухаживанье лучшихъ представителей высшаго общества, ни искренняя дружба, съ которою относились къ нему такіе писатели, какъ Буало и Лафонтенъ, ни постоянная благосклонность короля, не перестававшаго давать ему доказательства этой пріязни, сперва назначеніемъ пенсіи въ тысячу ливровъ, послѣ представленія «Школы Женщинъ», потомъ — отдачею подъ его управленіе своей придворной труппы, съ ежегодною субсидіею въ семь тысячъ ливровъ и титуломъ «Труппы Короля».

Въ 1664 г., во время великолѣпныхъ версальскихъ празднествъ, Мольеръ поставилъ на тамошней сценѣ въ первый разъ три первыхъ дѣйствія «Тартюфа», — остроумной и грозной сатиры на ханжей-лицемѣровъ. Пьеса была хорошо принята дворомъ; но въ массѣ публики, узнавшей о ней только по наслышкамъ, скоро поднялся такой скандалъ, что король, самъ апплодировавшій ей на первомъ представленіи и сознавшій полную благонамѣренность, руководившую авторомъ при сочиненіи этой комедіи, увидѣлъ себя въ необходимости запретить ее для публики. Снятіе этого запрещенія послѣдовало только черезъ три года, именно въ 1667 г. Но тревол-

ненія съ „Тартюфомъ“ далеко не кончились. На другой же день послѣ представленія, — Людовикъ XIV былъ въ это время во Фландріи — первый президентъ парламента отдалъ приказаніе немедленно снять съ афиши «Обманщика» (подъ этимъ названіемъ былъ теперь поставленъ „Тартюфъ“). Напрасно Мольеръ ссылался на королевское разрѣшеніе; пришлось подчиниться волѣ парламента, но въ тоже время онъ написалъ къ королю просьбу, въ которой напоминалъ о полученномъ разрѣшеніи и почтительно просилъ заставить чиновниковъ чтить слово, данное ихъ государемъ. «Если — говорить онъ въ этой просьбѣ — побѣда останется на сторонѣ Тартюфовъ, то мнѣ, конечно, надо навсегда отказаться отъ сочиненія комедій». Въ то время, когда просьба была на пути къ тому городу, гдѣ находился Людовикъ XIV, на злосчастную комедію обрушилась новая гроза: бывший учитель короля, парижскій архіепископъ, отдалъ распоряженіе, которымъ запрещалъ всякому смотрѣть на сценѣ, читать самому или слушать, какъ декламируютъ другіе, комедію подъ заглавіемъ «Обманщикъ», — какъ публично, такъ и частнымъ образомъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви“. Между тѣмъ, посланные отъ Мольера съ вышеупомянутой просьбой представились государю, были ласково приняты имъ и возвратились съ отвѣтомъ, что король, по возвращеніи въ Парижъ, снова прикажетъ пересмотрѣть пьесу, и она будетъ поставлена на сцену. Но постановка эта совершилась только черезъ два года, именно въ 1669 г. Съ 1664 г. по тотъ годъ, къ которому мы теперь пришли въ нашемъ изложеніи, т. е. 1669-й, Мольеръ послѣдовательно написалъ и поставилъ на сцену

пъесы: «Донъ-Жуанъ», «Любовь-Докторъ», (L'Amour Médecin), «Мизантропъ», «Врачъ поневолю» (Le Médecin malgré lui), «Амфитріонъ», «Жоржъ Данденъ», «Скупой» (L'Avare). Жеманныя кокетки, невѣжественные доктора, педанты, пустые щеголи высшаго свѣта, плохіе писатели, іезуиты, ханжи—все, что задѣвалось и мѣтко осмѣивалось перомъ знаменитаго драматурга, поочередно, по поводу той или другой комедіи, бурно возставало на автора, причиняло ему всевозможныя непріятности,—но онъ не смущался ничѣмъ и прямо шелъ впередъ, обнаруживая не только громадную даровитость, но и изумительную неутомимость и легкость въ работѣ; такъ напр., комедія «Les Fâcheux» была написана и поставлена на сцену въ теченіи одиннадцати дней; „L'amour Médecin»—въ пять дней; не забудемъ при этомъ, что авторъ ихъ продолжалъ оставаться актеромъ и директоромъ труппы, т. е. несъ на себѣ трудъ, тоже весьма многосложный. Не было почти ни одной комедіи его, въ которой онъ не игралъ бы одной изъ главныхъ ролей; такъ наприм., онъ создалъ типъ Маскарилла въ «Вѣтренникѣ» и «Смѣшныхъ Жеманницахъ»; Альберта—въ „Любовной Досадѣ“; Сганареля въ «Школѣ Мужей», «Бракъ по неволѣ», «Донъ-Жуанъ» и др.; Арнольфа—въ «Школѣ Женщинъ», Алцеста—въ «Мизантропѣ»; Оргона—въ «Тартюфѣ»; Жоржа Дандена—въ комедіи съ тѣмъ-же названіемъ; Гарпагона—въ «Скупомъ»; Журдана—въ «Мѣщанинѣ-Дворянинѣ»; Аргана—въ «Мнимомъ Больномъ», и много другихъ. Что касается до того, какъ онъ исполнялъ эти роли, то всѣ современныя свидѣтельства сходятся въ искреннихъ похвалахъ его сценическому таланту,

особенно блистательно обнаруживавшемся въ роляхъ чисто-комическихъ и оказывавшемся очень слабымъ въ роляхъ серьезныхъ. Какъ директоръ труппы и главный режиссеръ ея, онъ занимался и этимъ дѣломъ съ неутомимымъ рвеніемъ и горячею любовью. Но постоянныя непріятности, неизбѣжно сопряженныя съ этимъ занятіемъ, слабость здоровья и нѣкоторыя другія обстоятельства заставили его, подъ конецъ жизни, разочароваться въ прелестяхъ своей профессіи. Не смотря, однако, на это разочарованіе, не смотря и на то, что матеріальныя средства вполнѣ позволяли Мольеру оставить занятіе актера и антрепренера,—онъ до послѣдней минуты (и, какъ мы ниже увидимъ, въ буквальномъ смыслѣ слова послѣдней) оставался вѣренъ своему призванію. За два мѣсяца до смерти Мольера, его посѣтилъ извѣстный поэтъ Буало и, заставъ его очень больнымъ, сильно страдающимъ отъ кашля, сталъ увѣщевать его, говоря: «Послушайте, вы вѣдь въ очень жалкомъ положеніи. Постоянное напряженіе вашего ума, безпрестанная работа вашихъ легкихъ на сценѣ, все, однимъ словомъ, должно было бы, наконецъ, побудить васъ отказаться отъ игры на театрѣ. Неужели-же во всей вашей труппѣ не сыщется никто, способный, кромѣ васъ, на исполненіе первыхъ ролей? Ограничьтесь авторскою дѣятельностью и предоставьте сценическое исполненіе кому нибудь изъ вашихъ товарищей. Это принесетъ вамъ болѣе почета въ глазахъ публики, которая будетъ смотрѣть на вашихъ актеровъ, какъ на вашихъ наемщиковъ; да при этомъ и ваши актеры, которые вѣдь не особенно мягки въ отношеніи къ вамъ, лучше почувствуютъ ваше превосходство». На это

увѣщаніе Мольеръ отвѣчалъ: «Ахъ, что вы такое говорите мнѣ? Честь для меня заключается въ томъ, чтобы не покидать моей профессіи».

Болѣзнь, о которой мы упомянули, была смертельная. Мольеръ находился въ апогеѣ своей славы (послѣ названныхъ нами пьесъ имъ были еще написаны: «Г. Пурсоньякъ», «Мѣщанинъ-Дворянинъ» (*Le Bourgeois Gentilhomme*), «Плутни Скапена» (*Les Fourberies de Scapin*), «Ученныя Женщины» (*Les Femmes Savantes*), и нѣсколько менѣе значительныхъ), и академія наукъ предлагала ему мѣсто въ своей средѣ, подъ условіемъ, однако, чтобы онъ пересталъ играть на сценѣ,—когда судорожный кашель, никогда не покидавшій его, началъ замѣтно усиливаться. Въ разгарѣ этой болѣзни онъ написалъ и поставилъ на сцену свою послѣднюю комедію «Мнимый Больной», въ которой игралъ главную роль. Въ вечеръ ея четвертаго представленія, Мольеръ чувствовалъ себя хуже обыкновеннаго. Друзья убѣждали его не играть и отложить представленіе. «Да какъ-же это возможно?—отвѣтилъ онъ; вѣдь въ спектаклѣ заняты пятьдесятъ рабочихъ, которые только этимъ и живутъ. Что же они станутъ дѣлать, если я отмѣню спектакль! Я бы тогда упрекалъ себя въ томъ, что лишилъ ихъ заработка хоть одинъ вечеръ, когда очень могъ не дѣлать этого». И онъ, дѣйствительно, отправился въ театръ и сталъ играть съ величайшимъ трудомъ. При произнесеніи слова *jugé* «клянусь», въ четвертомъ дѣйствіи, съ нимъ сдѣлался припадокъ, который онъ имѣлъ силу преодолѣть и не обнаружить; но это было послѣднее усиліе. По окончаніи акта, его отнесли домой. Чувствуя приближеніе

смерти, онъ послалъ, послѣдовательно, за двумя священниками; оба отказались прійти: напутствовать въ вѣчную жизнь актера, считалось у тогдашняго духовенства грѣхомъ, оскверненіемъ святыни. Третій священникъ пришелъ, но поздно. Въ припадкѣ кашля, въ груди больного лопнулъ одинъ сосудъ, и онъ умеръ въ десять часовъ вечера, 17 февраля 1673 г. Священникъ того прихода, гдѣ онъ жилъ, отказался похоронить его, какъ актера; тогда вдова обратилась къ архіепископу парижскому съ просьбой, въ которой напоминала ему, что ея покойный мужъ умиралъ какъ христіанинъ, потому что хотѣлъ причаститься св. Тайнъ; кромѣ того, она просила короля, который приказалъ дать разрѣшеніе на похороны. Архіепископъ велѣлъ произвести слѣдствіе, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли Мольеръ, умирая, былъ проникнутъ чувствомъ истиннаго христіанина; результатъ слѣдствія оказался утвердительный, и тогда архіепископъ далъ разрѣшеніе, которое мы приводимъ здѣсь подлинными его словами, какъ любопытный документъ: «Принимая въ соображеніе и пр...., во вниманіе къ доказательствамъ, обнаруженнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ по моему приказанію, мы позволили священнику церкви св. Евстахія, похоронить по церковному обряду тѣло покойнаго Мольера, на приходскомъ кладбищѣ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы это погребеніе было совершено безъ всякой торжественности, не болѣе, какъ двумя священниками, и не днемъ, и чтобы за упокой души его не было отправляемо торжественнаго богослуженія ни въ вышеупомянутой церкви св. Евстахія, ни въ какой либо другой...»

Похороны совершились согласно этому приказанію,

въ сопровожденіи друзей покойнаго и громадной толпы народа; тѣло знаменитаго драматурга было похоронено на кладбищѣ св. Іосифа, на которомъ хоронили преимущественно самоубійцъ и дѣтей, умершихъ безъ крещенія *). Но общественное мнѣніе возмутилось такою нетерпимостью архіепископа. Не смотря на его запрещеніе, было отслужено множество частныхъ панихидъ по усопшемъ, и друзья выбили въ честь его бронзовую медаль, съ изображеніемъ, на одной сторонѣ, его бюста, а на другой—гробницы, на которой написано: «Поэтъ и актеръ, умеръ въ 1673 г.».

Общее сожалѣніе проводило его въ могилу не только какъ геніальнаго писателя и превосходнаго артиста, но и какъ человѣка съ рѣдкой душой. «Онъ обладалъ—говоритъ одинъ изъ его современниковъ—всѣми качествами, составляющими вполне честнаго человѣка: онъ былъ великодушенъ и добръ, честенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, скромнъ въ отношеніи къ похваламъ, которыми осыпали его, ученъ безъ хвастовства своими

*) На этомъ же кладбищѣ былъ похороненъ знаменитый баснописецъ Ламонтенъ. Члены парижской коммуны (во время революціи 1793 г.) постановили вырыть кости этихъ двухъ писателей и сложить ихъ въ мѣстѣ, болѣе достойномъ ихъ славы. Такъ и было сдѣлано, хотя очень сомнительно, чтобы вырытыя кости принадлежали дѣйствительно Мольеру и Лафонтену. Въ продолженіи семи лѣтъ ихъ перетаскивали съ мѣста на мѣсто, наконецъ въ 1799 г. окончательно сложили въ музей французскихъ памятниковъ. Но такъ какъ онъ былъ упраздненъ въ 1817 г., то останки двухъ знаменитостей, или, по крайней мѣрѣ, считавшіеся именно ихъ останками, были погребены на кладбищѣ Отца-Лашеза, гдѣ они покоятся и до сихъ поръ.

познаніями, и такой мастеръ говорить, что первыя лица двора и города наперерывъ искали наслажденія бесѣдовать съ нимъ». Другой современникъ восхваляетъ его за ненарушимую прямоу характера, вѣрность въ дружбѣ и неистощимую обязательность.

Закончимъ этотъ біографическій очеркъ слѣдующею характеристикю Мольера, написанною однимъ изъ лучшихъ изслѣдователей и знатоковъ его произведеній: «Подобно Шекспиру и Сервантесу, Мольеръ принадлежитъ къ тѣмъ мыслителямъ и поэтамъ, которые создаютъ въ области фантазіи міръ дѣйствительный, которые, изъ вымышленныхъ ими личностей, творятъ живые типы,—типы, никогда не умирающіе и извѣстные каждому, называются-ли они Фальстафами, донъ-Кихотами, Санчо-Пансами, Тартюфами, Алцестами или Гарпагонами. Правда, которою проникнуты его произведенія, такъ глубока, такъ общечеловѣчна, что, подобно его славѣ, она постепенно молодѣетъ, старѣясь. Когда онъ говорилъ: «я беру свое добро вездѣ, гдѣ нахожу его, (французская поговорка: «je prends mon bien partout où je le trouve»), то имѣлъ право выражаться такимъ образомъ, потому что искалъ въ книгахъ не остроумныхъ выходокъ или удачныхъ фразъ, чтобы присвоивать ихъ себѣ, а результатовъ опыта и наблюденія прошедшаго, съ цѣлью исправлять и расширять ихъ опытомъ настоящаго и наблюденіемъ надъ жизнью современной. Онъ бралъ въ займы мѣдь и превращалъ ее въ золото. Его пьесы—будь то серьезныя комедіи или фарсы—всѣ представляютъ собою психологическіе этюды, глубокіе и полные, — и если вы станете анализировать, одного вслѣдъ за другимъ, его дѣйствующихъ

лицъ, то, свѣдя итогъ различнымъ характерамъ, которыхъ эти лица служатъ представителями, получите всю сумму нашихъ страстей, нашихъ пороковъ, нашихъ чувствъ, и типъ различныхъ классовъ общества. Гарпагонъ — это гнусная скупость; его сынъ, Клеантъ — беспорядочность и расточительность; Тартюфъ — безсовѣстное лицемеріе; донъ-Жуанъ — нахальство въ порочности; Арганъ — эгоизмъ и малодушіе; Журденъ — тщеславіе, соединенное съ глупостью и невѣжествомъ; Вадіусъ и Триссотенъ — глупость и тщеславіе ученаго педантизма; Селимена — умъ, соединенный съ сухостью сердца; Алцестъ — болѣзненная щекотливость душевной нѣжности и чести; Жоржъ-Данденъ — слабость и нерѣшительность; Сганарель — безсмысленная и грубая ревность; Аглора — ревность и зависть женщины; Дорантъ — плутъ и мошенникъ большаго свѣта; Сотанвиль — деревенскій дворянчикъ и т. д., и т. д...

«Человѣкъ съ прямымъ сердцемъ, съ здравымъ и твердымъ умомъ, откровенный, какъ его стиль, слишкомъ глубокій мыслитель для того, чтобъ не стоять выше мелочей литературнаго тщеславія, — Мольеръ, главнымъ образомъ, стоялъ за здравый смыслъ и правду. Онъ былъ, въ одно и тоже время, великій живописецъ, великій сатирикъ, великій моралистъ. Въ «Тартюфѣ» онъ преслѣдовалъ лицемеріе религіозное; въ «Жеманницахъ» — лицемеріе языка; въ «Ученыхъ Женщинахъ» — лицемеріе чувствъ; въ личностяхъ Панкраса и Морфурія — лицемеріе знанія. Подобно Кольберу*), онъ

*) Извѣстный министръ Людовика XIV.

ратовалъ за великія реформы: рядомъ съ Декартомъ *) онъ сражался съ схоластическимъ варварствомъ; рядомъ съ Бакономъ **)—противъ науки, отдѣляющей слова. Каждый разъ, какъ Мольеру приходится выступать на защиту своихъ собственныхъ произведеній, онъ является великимъ критикомъ. Его достоинство состоитъ не только въ изображеніи пороковъ и смѣшныхъ сторонъ, но и въ начертаніи правилъ жизни, и если рѣдкій писатель понималъ лучше его всю безпредѣльность человѣческой глупости, то рѣдкій писатель также умѣлъ глубже и проще его говорить языкомъ разума...

«Пьесою «Пурсоньякъ» Мольеръ представилъ образецъ самаго уморительнаго фраса; его „Мизантропъ“—самая глубокая комедія; «Донъ-Жуанъ»—прекраснѣйшая изъ французскихъ романтическихъ драмъ. Такимъ образомъ, онъ прошелъ по всѣмъ ступенямъ драматическаго искусства, и ни на одной изъ нихъ не встрѣтилъ себѣ соперника».

*) Знаменитый французскій философъ.

**) Знаменитый англійскій философъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Скупой.	1
Примѣчанія	113
Объяснительная статья	116
Біографическій очеркъ	125

ПОПРАВКА.

На стран. 54-й, осыпавшіяся строки должны читаться слѣдующимъ образомъ: «*Гарпагонъ. А ты, франтикъ-сынонь,—я тебѣ простилъ давишнюю продѣлку,—таеъ ужъ сударь не смѣй*», и. т. д.

LIBER

BIBLIOTEKA TURGENEVA

101262